

БОРИС КУРКИН

ПОДАВЛЯЮЩЕЕ МЕНЬШИНСТВО, ИЛИ РАЗГОН

*Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого...*

(Б. Пастернак. Лейтенант Шмидт)

*Рассказ очевидца при выборах в Учредительное собрание.
Старушка говорила:*

*— Я за Церковь и за Бога, а то умрёшь, и, как собаку, за-
капают на Марсовом поле.*

(Пришвин М. М. Дневник 1918-1919)

*Историческая фраза: “Караул устал!” — как осуждение
говорящей интеллигенции.*

(Пришвин М. М. Дневник 1918-1919)

*Россия — особый мир. Мир великий и самобытный, от-
личный от европейского по земле, по крови, по вере, по по-
литическому строю — по всему ходу истории. <...> Исто-
рией всякого народа руководит Провидение, но русской ис-
торией в особенности. Ни одна история не заключает
в себе столько чудесного и сверхъестественного. Сообра-
жая события, её составляющие, невольно думаешь, что
перст Божий ведёт Русский народ, как будто древле иуде-
ев, к какой-то высокой цели.*

(Фундаминский-Бунаков И. И.

Член Учредительного собрания, правый эсер.
“Пути России”).

Прелюдия

Этого эпохального события “передовая общественность России” ждала, по её словам, “дольше века”. И вот, наконец, дождалась: 5 января 1918 года открывалось Учредительное собрание. Оно пришлось на канун Богоявления, или Крещения — на Крещенский сочельник. Однако в тот день свидетелей и участников события — красных социалистов — крещали не святой водой, а свинцом и порохом.

На то, что дело закончится пролитием крови, прозрачно намекнул живший не по лжи Ильич в своей статье “Плеханов о терроре”, вышедшей в № 221 газеты “Правда” 22 декабря 1917 года (по ст. ст.). Для пущей значимости её продублировали на следующий день в “Известиях ЦИК”. В ней предсовнаркома

припомнил “отцу отечественного марксизма” слова, сказанные тем на Втором съезде РСДРП в 1903 году¹. В частности, эти: “Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлечённости, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex* (благо народа — высший закон. — **Б. К.**). В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться”².

Действительно, чего не сотворишь во благо революции! Не исключено, однако, что по прошествии полутора десятков лет Плеханов горько пожалел о сказанных им некогда словах. На то обстоятельство, что решение о разгоне Учредительного собрания было для Ленина непростым, а ссылки на Плеханова были чем-то вроде “оговорочки по Фрейду”, глухо намекает в своих воспоминаниях мадам Ульянова-Крупская³.

Для того чтобы понять смысл происшедших событий, следует начать с их предыстории. Февральский государственный переворот состоял фактически из двух частей:

1) заговора генералов и руководства Госдумы непосредственно против Государя;

2) организации беспорядков в Петрограде и создания Временного комитета Государственной Думы (ВКГД).

Эти линии, конечно же, пересекались (например, в лице председателя Госдумы Родзянки). У деятелей первой линии был достаточно чёткий план легитимизации власти после отречения Государя (именно он и изложен в тексте отречения, притом для понимания сего плана подлинность отречения не принципиальна), но “что-то пошло не так”: Великий князь Михаил Александрович, в пользу которого было сделано пресловутое отречение, обнародовал акт о намерении принять верховную власть лишь после того, как на Учредительном собрании выразится народная воля относительно окончательной формы правления. Это означало полный провал плана генералов и руководства Госдумы, а перед получившими всю полноту власти Временным правительством и Советами во весь рост встала проблема её узаконения.

Теперь вопрос заключался в том, каков будет государственный строй России и кто будет определять его физиономию. Таковым (из соображений общественной безопасности и государственной стабильности) могло стать лишь пресловутое “Учредительное собрание” (УС) — безбожная и злая пародия на Земский Собор трёхвековой давности. Под возможные “концепты” УС лихорадочно готовились конституционные проекты.

И вот о созыве УС, дожидаться которого “освободительное движение” уж и не чаяло, было объявлено. Вопрос был решён в принципе. Оставались “мелочи” технического порядка, важнейшими из которых были “когда” и “каким образом УС формировать”. Второй был решён радикально, да так, что Россия оказалась самой демократической страной в мире: к выборам решено было допустить женщин, военнослужащих и сделать выборы всеобщими, разумеется, при тайном голосовании. Это был прорыв в мировом конституционализме. Радости, однако, он не принесёт в России никому. Оставался вопрос “когда созывать УС?”

Временное правительство действовало по ситуации, а ситуация менялась с каждым часом. И каждый час приближал катастрофу. Это не столько понимали, сколько чувствовали многие. С каждым днём таковых становилось всё больше. В конце концов, загнанное в угол непредвиденными обстоятельствами правительство назначило выборы на 12 ноября 1917 года.

Что до большевиков, то с конца лета 17-го они постоянно обвиняли правительство в сознательном оттягивании выборов, утверждая, что “буржуазная” власть боится революционных настроений народных масс. Выбросив лозунг “Вся власть Советам!”, они оправдывали его тем, что Временное правительство никогда не исполнит своих обещаний, и только Советы могут гарантировать созыв УС. Для этого якобы октябрьский переворот и совершался.

“Восстание народных масс не нуждается в оправдании, — заявил после октябрьского переворота, названного впоследствии “Великой Октябрьской социалистической революцией”, Троцкий. — То, что произошло, это не заговор,

а восстание”⁴. Слушая его, можно было подумать, что планы “восстания” за годя обсуждались в газетах, на митингах и в кабаках. И притом безо всяких заговоров. А потом оно вспыхнуло само собою. И победило.

Правду сказать, не всё так просто было на том историческом II съезде Советов. В классическом произведении марксистско-ленинской мифологии – фильме 1937 года “Ленин в Октябре” – зал съезда рукоплещет вошедшему Ленину, а его фразу о свершившейся революции встречает овациями. Однако ещё в 1925 году – на XIV съезде, правда, не Советов, а ВКП(б) – Ихил-Михл Залманович Лурье, более известный под кличкой “Ю. Ларин”, заявил: “Я кончаю своё слово воспоминанием о том, что было и чему я был свидетелем на II Съезде Советов 25 октября 1917 года, где я был членом бюро большевистской фракции и потому внимательно наблюдал и видел, как выходили на трибуну законно избранные делегации армейских комитетов с разных фронтов и говорили: “В силу законных полномочий, которые мы имеем, мы протестуем против этого переворота”. Говорила одна делегация за другой, другая за третьей. Тогда вышел на трибуну тов. Троцкий и ответил: “Да, вы законно избраны, но ваши избиратели не обсуждали вопроса: признают ли они этот переворот? А вот мы к ним пойдём и обсудим вопрос: признают ли они Октябрьский переворот?”⁵

Оказывается, солдатские представители активно протестовали против переворота!

Суть же сказанного Троцким сводилась к следующему: “Да, вы законные представители избирателей, но вправе ли вы решать за ваших избирателей?”

Таким манером Троцкий “срезал” под корень оппонентов, в очередной раз проявляя неподражаемое остроумие, за которое он расплатится впоследствии проломленной черепной коробкой. Под конец заседания большевики остались в своём тесном кругу – все прочие покинули зал.

Во время заседания съезда, как вспоминал активный участник политических событий 1917 года, делегат I и II съездов Советов и член Комуча⁶ эсер В. М. Зензинов, “пришла страшная весть о том, что большевики начали бомбардировку Зимнего дворца, в котором происходило очередное заседание Временного правительства. Это известие взволновало всех присутствовавших. Большевики официально это известие тут же опровергли. Но пришли новые вести, подтвердившие эту новость, получены были новые трагические подробности этой бомбардировки. Одна революционная партия за другой заявили на съезде резкий протест против действий большевиков, против их двуличной тактики.

Это было не только протестом против большевиков, это был протест против большевистского переворота вообще. Представители революционных и социалистических партий одни за другими поднимались на кафедру, заявляли в резких выражениях свой протест и уходили со съезда, не желая иметь ничего общего с большевиками. Большевики остались одни, и с этого момента они начали опираться только на грубую физическую силу”⁷.

Ощущение свершившегося выразит З. Гиппиус в своём известном стихотворении “Сейчас”:

*Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!
Лежим, заплёваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.*

Итак, вся “законность” захвата власти, случившегося 25 октября, основывалась на решении Второго съезда Советов, поставившего новых переворотчиков в зависимость от одобрения (или неодобрения) их власти Учредительным собранием. И было совершенно очевидно, что такого одобрения они не получают. К тому же все революционные постановления, принятые Вторым съездом, носили условный характер.

Все декреты Второго съезда Советов объявлены съездом действующими “впредь до созыва Учредительного собрания”.

Вопрос о земле должен был быть решён Учредительным собранием (Декрет о земле был, в сущности, “декларацией о намерениях”), формирование правительства — Учредительным собранием. Вынести на обсуждение Учредительного собрания мирные условия (“что можно, а чего нельзя уступить”) предложит в своём докладе о мире Ленин.

После разгона УС большевистские “историки”, вернее, агитаторы и пропагандисты от истории, объяснят читающей их публике, отчего Ильич был сначала за “учредилку”, а потом разогнал её. Слово большевистскому пропагандисту от истории Я. А. Эпштейну (“Яковлеву”): “Схоластики могли бы за это обвинить Ленина и большевистскую партию в оппортунизме и уступчивости буржуазии, по меньшей мере, в уступчивости мелкобуржуазным предрассудкам. Но именно схоластики и только схоластики. <...> Ленин считался с тем, что выступление большевиков против Учредительного собрания непосредственно перед съездом и во время съезда Советов вызвало бы колебание значительных слоёв мелкой буржуазии, крестьянства и части рабочих, не изживших ещё до конца иллюзий доверия к Учредилке. <...> И тогда уже, после 2-3 месяцев опыта пролетарской власти, после того, как земля будет взята крестьянами во исполнение декрета съезда Советов, после того, как мир и, по меньшей мере, перемирие из области предположений перейдут в область действительности, любой отсталый рабочий, огромное большинство колеблющихся крестьян скажут: к чёрту Учредительное собрание, пусть живёт советская власть!”⁸ (И надо же будет такому случиться, что ровно десять лет спустя чекисты вырвут сему комментатору его “празднословный и лукавый” язык и одарят в утешение девятью наркомовскими граммами).

О том, что после октября 1917 года Учредительное собрание “уже не могло считаться выражением воли народа”, будет талдычить, выполняя партийные директивы, официальный историк от большевизма М. Н. Покровский⁹. Ему повезёт больше: его и его “школу” посмертно разоблачат, и его ученики станут наперегонки отречься от своего научного руководителя и плевать на его могилу.

Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов поручает Советам на местах принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, антиеврейских и каких бы то ни было погромов. “Честь рабочей, крестьянской и солдатской революции требует, чтобы никакие погромы не были допущены”¹⁰. А в обращении к казакам звучал пламенный призыв: “Покажите чёрной сотне, что вы не станете изменниками народа, что вы не пожелаете накликать на себя проклятие всей революционной России”¹¹.

Депутаты, как видим, всерьёз опасались, что сразу после того, как в России узнают о насильственной смене власти, по ней прокатятся антиеврейские погромы. С чего бы, право, такие опасения?

Любопытный факт, поведанный читателям левым эсером С. Мстиславским (настоящая фамилия Масловский. — **Б. К.**): “Лидеры эсэров, — писал он, — партии, без колебаний посылавшей в подпольном прошлом своём на эшафот и в каторгу евреев-террористов, на крови и на мысли их без колебаний утверждавшей партийные знамёна, — считали ныне, став у кормила власти — “вверху горы”, — неудобным выдвигать на ответственные посты своих “нерусских” сочленов. Не случайно даже под заголовком центрального органа партии “Дело Народа” партийные лидеры заставили нас, тогдашних редакторов его, выписать старательно рядом с литературными псевдонимами и подлинными именами, чтобы ведомо было *urbī et orbī*, что среди нас евреев нет”¹².

Но вернёмся “к нашим баранам”. Итак, съезд разрешил Ленину создать Совнарком лишь при условии, что правительство объявляется “временным”, а после созыва Учредительного собрания оно может остаться у власти лишь при согласии Всероссийского парламента. Точно так же декреты о земле и мире получали окончательный характер лишь после их утверждения новым верховным органом страны. Ситуация усугублялась тем, что сами же большевики буквально вчера добивались скорейшего созыва Учредительного собрания.

Уже в эмиграции — с безопасного расстояния — А. И. Куприн скажет то, о чём упорно молчали поколения советских историков: “Маленькая кучка,

человек в триста, никем не уполномоченных людей. <...> Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов, никем не уполномоченный выражать волю всей великой России. Кто избрал его? Никто”¹³.

Посмотрим список делегатов сего съезда. “Ба! Знакомые все лица!” Ленин, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Каменев, Сталин, Дзержинский, Дыбенко, Крыленко, Коллонтай, Рыков, Луначарский и, наконец, “примкнувший к ним” Керенский! А за ними – деятели пожиже: Шляпников, Иоффе, Урицкий, Склянский, Петерс, Подвойский, Бубнов. И близкая к слабоумию “бабушка русской революции” Брешко-Брешковская тут как тут!

Ленин и его партия были обречены на проведение выборов и созыв Учредительного собрания, которое одно и могло подтвердить законность их власти. В начале декабря 1917 года он ещё пишет: “Если брать Учредительное собрание вне обстановки классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то мы не знаем пока учреждения более совершенного для выявления воли народа. Но нельзя витать в области фантазий. Учредительному собранию придётся действовать в обстановке гражданской войны. Начали гражданскую войну буржуазно-калединские элементы”¹⁴.

Октябрьские переворотчики и хотели избавиться от “учредилки”, и боялись разогнать её. В конце концов, решено пойти на разгон УС.

Тут же возник ряд технических вопросов, в частности, такой: разгонять ли всё и всех сразу или же разогнать большинство, а себя – меньшинство – объявить “революционным конвентом”? Идея “конвента” воспротивился Ильич, не без диалектики убеждавший своих сообщников в том, что создание “конвента” будет означать признание верховенства Учредительного собрания над властью “народных” комиссаров, а посему выйдет “ни то ни сё”. “Учредилку”, по Ленину, следовало разогнать как “контрреволюционный орган” и придушить этого уродца, появившегося на свет слишком поздно – в то время, когда революция далеко ушла вперёд. Это было проявление великолепного презрения – даже не к эфемерной после свержения Царя законности, но к элементарным правилам приличия. Испытанным же средством в этом деле стала отчаянная, запредельная демагогия.

Но гораздо более очевидным стал выбор силовых методов и просто безграничного террора против любых, независимо от классовой принадлежности, оппонентов ради удержания захваченной власти.

... Обе столицы проголосовали за большевиков и за кадетов. Вся остальная Россия – за эсеров. “Пролетарским массам” были близки лозунги “диктатуры пролетариата”, “солдатским”, а также “солдаткам” – демобилизации, крестьянству – лозунг “Земля и воля”. Как вспоминал писатель И. Ф. Наживин, “бабёнки дружно тащили номер шесть (большевики. – **Б. К.**): Ваньку обещали вернуть с фронта в три дня.

– Да вы сбесились, тётки?.. А за Ванькой-то кто сюда придёт?

– А кто?

– Вильгельм.

– Так что? И больно тоже, что придёт... Вильгельм-ат он строгай, он ла-ла-то разводит языком не очень даст, он враз тебе порядок во какой наведёт!.. А то ишь, черти, волю взяли!..”¹⁵

К слову сказать, из всех социалистических партий большевики были единственной, не выставившей во время предвыборной кампании никакой чёткой программы. Они явно рассчитывали привлечь голоса избирателей общими и туманно сформулированными призывами к рабочим, солдатам и крестьянам, используя лозунг “Вся власть Советам”, обещание немедленного мира и конфискации помещичьей собственности.

Мотивация и ожидания “электората”, описанные Наживиним, лишний раз демонстрировали всю пагубу для России “парламентского кабака”.

Но не лучше была и “диктатура пролетариата”. Свергнув Царя, Россия попадала в жёсткий коридор неминуемой катастрофы. И большевики, и эсеры кормили народ сладкими обещаниями и уверенно толкали страну в пропасть.

Как бы то ни было, но в итоге эсеры победили с разгромным счётом – 715:175. Ленин справедливо счёл итоги выборов сокрушительным поражением.

Партия народной свободы (“кадеты”) добилась громадного успеха в крупных городах, то есть именно там, где социал-демократы особенно нуждались в твёрдой победе. Именно городские центры должны были компенсировать их

слабость в деревне и стать опорными пунктами в приближающейся гражданской войне. В обеих столицах кадеты прочно занимали следующее за большевиками место, собрав в Петрограде 26% голосов, а в Москве — 34%. А если отнять от результата большевиков в Москве голоса солдатской массы, которая начинала всё больше разлагаться, то на коммунистов приходилось 45%, в то время как на кадетов — 36%. Более того, партия народной свободы обогнала большевиков в 11 из 38 губернских городов, а во множестве других прочно занимала второе место, наступая коммунистам на пятки. Таким образом, кадеты представляли собою гораздо более серьёзную политическую силу, чем это следовало из сводных цифр результатов голосования.

Большевистские вожди оказались не на шутку перепуганы. “Мы определённо должны добить кадетов, или они добьют нас”, — скажет в усы “чудесный грузин” Коба. Он не был паникёром, его никогда не подводил звериный нюх, жизнь учила быть предельно осторожным в неясной ситуации, а после принятия решения — идти до конца и быть беспощадным.

Закрытие большевиками нескольких десятков газет и арест ряда членов УС действия своего не возымели. А может, и возымели. Но обратное.

Так, члены ЦК кадетов отговаривали приехавшего из Воронежа в Москву А. И. Шингарёва ехать в Петроград, на что он отвечал: “Я должен ехать. Бывают моменты, когда личная безопасность политического деятеля должна отступить перед его общественным долгом. На 28-е назначено открытие Учредительного собрания. Я и другие избранные в члены собрания должны быть в назначенное время на месте”. Поехал и “хотя приходится писать теперь сидя в каземате неизвестно за что, всё же не раскаиваюсь. Пусть население знает, кто срывает Учредительное собрание, кто насилует свободу народа. Из нашего задержания должна получиться польза. Когда-нибудь да прояснится народное сознание”¹⁶.

Арестовали Шингарёва просто. Без затей. И даже без предъявления обвинений.

Попутно допрашивавший задержанных заявил, что “иммунитет членов Учредительного собрания — вопрос спорный”¹⁷. В итоге А. И. Шингарёв и Ф. Ф. Кокоскин оказались в крепости.

Троцкисты-ленинцы прекрасно понимали, что дурман пустословия, в конце концов, рассеивается, и приходят похмелье и отрезвление.

И процесс уже пошёл: призрак коммунизма, который родитель его Ленин (и не он один, а ещё Троцкий и левые экономисты) лукаво назовёт спустя три года “военным” и “вынужденным”, обретал плоть.

Товарищи и впрямь принялись строить коммунизм, введения которого требовала очередная программа РКП(б) 1919 года. В области распределения задача Советской власти в соответствии с принятой программой состояла в том, чтобы “неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов”. Целью же в связи с этим объявлялось “с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат”¹⁸.

Относительно будущего банковской сферы в программе РКП(б) говорилось: “Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчёта и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.”¹⁹. Соответственно, “покрытие государственных расходов должно покоиться на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства”²⁰. Как они собирались это делать, упразднив деньги, не уточнялось.

О “радостном” явлении “натурализации быта” уже вовсю писали, захлёбываясь от восторга, советские газеты. Троцкий же, в свою очередь, выдвинул идею создания трудовых армий, работающих исключительно за паёк под надзором командиров, а живущих по уставу. О “натуральном”, распределительном коммунизме как изначальном сознательном выборе советской власти писали левые большевики-экономисты Л. Н. Крицман и Д. Н. Юровский²¹. И нельзя сказать, чтобы эта идея не отзывалась в большевистских сердцах.

В. Г. Короленко не раз фиксировал в своём дневнике положительный отклик об этом “проекте” в своих беседах с большевистскими начальниками, в том числе и начальниками ЧК. Более того, они находили его естественным и самоочевидным. Действительно: работает человек, а потом приходит и всё нужное получает по талонам. И никакой эксплуатации человека человеком! Сам же писатель оценивал большевистские экономические идеи в качестве “безумных”²².

*...Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками чёрными
Викжель — пути... —*

скажет прозревшая либералка З. Гиппиус.

Ленинский коммунизм будет означать на практике яростную борьбу с собственностью как условием относительной независимости человека от “пролетарской диктатуры” и средством его выживания даже в условиях немилости к нему властей. Отъём у людей средств к независимому существованию начнётся тотчас же и с недвижимости. Так называемый Декрет о земле, принятый 26 октября 1917 года, лишил собственности на землю всех, кроме крестьян. За ним последуют декреты, касающиеся недвижимого имущества в городах (их изымут из торгового обращения и передадут в собственность государства 14 декабря 1917 года). А в январе 1918 года были аннулированы все государственные долги, и люди лишились своих накоплений. Дойдёт до того, что диктатура присвоит себе исключительное право размещать в газетах частные объявления²³. Далее — везде. . .

12 августа 1917 года Временное правительство назначило открытие Учредительного собрания на 28 ноября. 17 ноября в газетах было опубликовано воззвание подпольного Совета министров с подтверждением этой даты.

Кворум для открытия УС установлен не был. Его установили большевики. 26 ноября СНК принял декрет, гласящий, что Учредительное собрание должно быть открыто представителем СНК и при условии наличия не менее 400 членов.

Именно для открытия, а не для дальнейшей работы с последующим голосованием. Сегодня иные специалисты по всем вопросам будут говорить на разного рода “ток-шоу”, что после того как большевики и левые эсеры покинули зал заседаний, УС стало неправомочно принимать решения. Если уж переводить дело в чисто юридическую плоскость, то тут же возникает вопрос: “А в каком документе зафиксировано требуемое количество присутствующих и участвующих в голосовании?” Такого документа не было. Стало быть, сколько осталось, столько и осталось. Уходить никто не неволил. А посему возникает вопрос: “С кем вы, мастера политэстрады — любители оправдывать задним числом беззаконие?”

Образовавшийся около этого времени Союз защиты Учредительного собрания организовал 28-го демонстрацию у Таврического дворца в Петрограде (где должно было состояться открытие) под лозунгом “Вся власть Учредительному собранию”.

Член УС П. Сорокин — в скором будущем светило мировой науки — в своих воспоминаниях будет живописать сей день в красках. “Большевики потерпели явное поражение, но наша ситуация осложняется, ответственность несоизмеримо возрастает. Если бы большевики получили большинство голосов, мы вынуждены были бы подчиниться, но **народное голосование провозгласило их правительство незаконным**. Мы, конечно, понимаем, что они не собираются мириться с этим приговором. Пока они надеялись на благоприятный для них исход выборов, они не возражали против созыва Учредительного собрания. Теперь они попытаются воспрепятствовать этому. На силу мы должны ответить силой. Другого пути у нас нет.

Создан Комитет защиты Учредительного собрания. Он хорошо действует в сфере пропаганды, но не так успешно — в деле формирования вооружённых сил. У нас есть какое-то количество войск, но явно меньше, чем у большевиков.

Я выступаю каждый день, посещаю заседания, на которых разрабатываются законы, декреты и политика Учредительного собрания. Тем временем я по-прежнему играю роль мышки, убегающей от кошки. По закону все депутаты пользуются правом неприкосновенности, но закон — это одно, а действия

большевиков – совершенно другое. Все дороги теперь ведут в тюрьму. Я устал, я измотан отчасти работой и нервотрёпкой, отчасти – голодом. Но я повторяю слова поэта:

“Подожди немного, отдохнешь и ты”. В тюрьме или в могиле.

Атака на Учредительное собрание началась с того, что большевики приказали всем депутатам отправиться к Урицкому, специально назначенному комиссаром, для регистрации наших имён и адресов и предъявления документов, подтверждающих факт выбора в Учредительное собрание, открытие которого перенесено с 27 ноября на 5 января 1918 года.

Мы объявили этот приказ незаконным. Народные депутаты не могут уклониться от явки к Урицкому, поскольку проверка их полномочий является задачей специальной комиссии депутатов, большинство которых составляют большевики.

Кроме того, мы заявили протест по поводу произвольного переноса неформального созыва депутатов, назначенного на 27 ноября.

27 ноября. Этот день, который по закону должен был стать днём открытия Учредительного собрания, начался изумительным рассветом. Голубое небо, ослепительно белый снег – всё это стало прекрасным фоном для видневшихся повсюду плакатов: “Да здравствует Учредительное собрание – хозяин земли Русской!” Толпы людей с этими плакатами приветствовали высшее руководство страны, истинный голос русского народа. Когда депутаты дошли до площади Таврического дворца, тысячи людей приветствовали их оглушительными криками.

Но подойдя к дворцовым воротам, депутаты обнаружили, что они закрыты и охраняются вооружёнными до зубов латышскими стрелками.

Нужно было что-то делать, причём безотлагательно. Взобравшись на железную ограду дворца, я обратился к народу, а тем временем другие депутаты, следуя моему примеру, перелезали через решётку ограды. Им удалось отпереть ворота, и толпа, ворвавшись во двор, заполонила его. Ошеломлённые смелостью этого прорыва, латышские стрелки пребывали в нерешительности. Мы направили на двери дворца, также охраняемые латышскими стрелками, позади которых находились Урицкий и другие большевики. Переговорив ещё раз с людьми, я решил обратиться к латышским стрелкам с благодарностью за гостеприимство по отношению к высшей власти России и их явную готовность защищать свободу.

В заключение своей речи я обнял командующего ими офицера. Вокруг царила полная неразбериха, в результате чего дверь была открыта, и мы вошли внутрь.

За нами вошли и многие простые граждане. На пути встал Урицкий, еврей с чрезвычайно отталкивающей внешностью, потребовавший от нас пройти в его кабинет для того, чтобы зарегистрироваться, но мы презрительно оттолкнули его, заявив, что Учредительное собрание не нуждается в его услугах. Была принята резолюция, что, несмотря ни на какие препятствия, Учредительное собрание откроется 5 января²⁴.

Через два дня – 30 ноября 1917 года – историк Ю. В. Готьё – в будущем академик – записывает: “Декрет об аресте вождей к.-д., поход на них и проскрипция русских жирондистов <...> События идут бешеным ходом. Вчера частного совещания в Учредительном собрании даже не допустили; срыв всенародного кабака неизбежен; жалеть, впрочем, о нём едва ли приходится: составленное из погромщиков, сентиментальных и реалистичных, оно всё равно было бы недееспособным”²⁵.

Занятие историей сделало Ю. В. Готьё здоровым скептиком, не склонным ни к романтике, ни, тем более, к экзальтации.

За две недели до событий – 21 декабря 1917 года – правозсеровская газета “Воля народа” предсказала их сценарий: “5-го они откроют и 5-го же закроют Учредительное собрание. Но сделают это не от своего имени, а от имени сфальсифицированного съезда Советов”.

Так оно и вышло.

О том же писала накануне открытия Учредительного собрания и кадетская газета “Наш век” (б. “Речь”) № 22 от 24 декабря (6 января) 1917 года (приводим статью полностью): “Планы Смольного относительно Учредительного собрания теперь окончательно выяснились. Если регистратура г. Урицкого даст необходимый кворум, то, по-видимому, на 5 января Смольный готов

“допустить” открытие всенародного представительства, обставив его всеми необходимыми для себя гарантиями. Кроме декрета об отзыве неугодных депутатов, кроме предъявления ультиматума о том, чтобы Учредительное собрание, оставив всякое попечение об организации власти, занялось деловой работой; кроме провозглашения принципа, что Учредительное собрание-де подчиняется советской власти, теперь решено подвести солидный фундамент под эти мероприятия.

К открытию Учредительного собрания Смольный решил приурочить созыв съездов всероссийских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти съезды, в составлении которых большевики проявляют такую умелость, призваны воплотить ту верховную власть, которою, по образному выражению официозов, должно быть Учредительное собрание. Когда “подвластное” Учредительное собрание в Таврическом дворце соберётся, чтобы спасти Россию, одновременно в Смольном будет заседать “хозяин” Учредительного собрания, который и будет хозяйничать в интересах советской власти.

Мы видали уже этого “хозяина” в последние дни октября, когда большевистские диктаторы созвали “свой” съезд, чтобы санкционировать переворот, разгон Совета Республики и захват власти. Съезд тогда уже превосходно выполнил свою задачу и с быстротой и послушанием, которые бы сделали честь самым преданным служилым людям, поставил печать одобрения на всём, что осуществили самодержцы Смольного.

Теперь для борьбы с “контрреволюционными” элементами Учредительного собрания (т. е. с.-рами и др.) Смольный повторяет тот же приём. Он уже заранее изготовил нужные приказы, которые хозяин подпишет, и этим приказам должно беспрекословно подчиниться Учредительное собрание.

Если всенародное представительство покорно выполнит все мероприятия Смольного, очистится от скверны и будет работать по указке советской власти в пределах, ему отведённых, то хозяин, вероятно, потерпит присутствие своего приказчика. Если же нет, то хозяин, конечно, поступит так, как поступают с непокорным слугой.

Вот перспективы, которые уже открылись. Вот судьба, приготовленная тому учреждению, с которым связывалось столько ожиданий, столько надежд”²⁶.

Ленин намеревался править Россией всерьёз и надолго, в идеале – всегда, а потому предлагал жесточайшим образом защищать власть. О том, как удержать её после захвата, он говорил ещё до переворота. Смысл сказанного был прост: отнять у людей всё и распределять по своему усмотрению. Это в миллионы раз действеннее гильотины. Душить народ хлебной монополией и карточками, “костлявой рукой голода” под надзором суровых стражников. И от этой месопотамской пытки народ спасала лишь продажность стражников.

Когда член УС П. А. Сорокин будет читать лекции студентам Петроградского университета о социальном устройстве Древнего Египта при Птолемеях, Древнего Перу и Спарты, Римской империи в III-IV вв. н. э., аудитория будет раздражаться смехом и возгласами: “Это же в точности, как наш коммунистический режим”.

А. И. Куприн, получивший благодаря Горькому аудиенцию у Ленина, вспоминал: “В сущности, – подумал я, – этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всём своём душевном уродстве, были всё-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же – нечто вроде камня, вроде утёса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая всё на своём пути. И при том – подумайте! – камень, в силу какого-то волшебства – мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая – уничтожаю”²⁷.

Разгон УС был предreshён изначально. Большевики были не из тех, кто захватывает власть, а потом отдаёт её дяде, чтобы исчезнуть, если в ящиках окажутся фантики не того цвета.

Это был день сшибки безбожной демократии с безбожной диктатурой, бой вождей – любителей индивидуального террора с вождями террора массового.

Утро началось с расстрела большевиками мирных демонстраций в Питере и Москве.

Расстрел произошёл на углу Невского и Литейного проспектов и в районе Кирочной улицы. Была рассеяна главная колонна численностью до 60 тысяч

человек, однако другие колонны демонстрантов достигли Таврического дворца и были рассеяны только после подхода дополнительных войск. Разгоном демонстрации руководил специальный штаб во главе с Лениным, Свердловым, Подвойским, Урицким, Бонч-Бруевичем.

Убитых никто толком не считал, хотя отрывочные сведения на сей счёт сохранились. Враньём и цинизмом отметились на сей счёт два большевистских субъекта — Ф. Ф. Раскольников и В. Д. Бонч-Бруевич. Первый сказал, что «демонстрация была рассеяна красными войсками, стрелявшими в воздух»²⁸. Второй — что жертв было немного и рабочих среди них не было, точно люди иных сословий и званий были существами второго или даже третьего сорта — недочеловеками, а то и вовсе тараканами, которых, в общем-то, и не жалко.

«Пришло несколько известий о вооружённых столкновениях на Невском и Литейном, — утверждал Бонч, — где наши войска ответили огнём на выстрелы из толпы, сразившие несколько человек. Пострадавших с той и другой стороны доставили в городскую больницу на Литейном проспекте. Владимир Ильич распорядился немедленно назначить следствие об этих столкновениях»²⁹.

Оказывается, по войскам стреляли из толпы. В принципе такое не исключено. Могла быть и провокация. Беда только в том, что сей факт нигде и никем больше не отмечается, а он был бы для большевиков неубойным аргументом в оправдание расстрела демонстрантов.

В 1928 году большевичка-пропагандистка Н. Шавеко в своей книжке-агитке, добрую половину объёма которой составляют цитаты из Маркса и Энгельса, писала: «Жертв было немного: самая большая цифра, указанная в № 4 «Известий Союза защиты», — 20 человек убитых и около 100 раненых. Мифическая народная стихия, к которой взывали эсеры, не вышла из берегов ради сомнительных учредилевских благ, и учредилевская авантюра потерпела полное поражение»³⁰.

Историк Н. Рубинштейн в своей статье, опубликованной в том же году, говорит о «нескольких демонстрантах», убитых в Питере, и «9 убитых и 30 раненых» в Москве³¹. Эти же цифры он повторит и в своей книге 1931 года³².

О событиях 5 января 1918 года в Петрограде остались свидетельские показания, выплывшие на свет Божий в результате известного процесса над эсерами 1922 года. Обвиняемый Е. С. Берг, защищаясь, наступал: «Я — рабочий. И во время демонстрации в защиту Учредительного собрания я принимал в ней участие. Петроградским Комитетом была объявлена мирная демонстрация, и сам Комитет, и я в том числе, без оружия шёл во главе процессии с Петроградской Стороны.

По пути, на углу Литейного и Фурштатской, дорогу нам преградила вооружённая цепь. Мы вошли в переговоры с солдатами, чтобы добиться пропуска к Таврическому дворцу. Нам ответили пулями.

Здесь был убит Логинов — крестьянин, член Исполкома Советов крестьянских депутатов, — который шёл со знаменем. Он был убит разрывной пулей, которой ему снесли полчерепа. И убит он был в то время, когда после первых выстрелов он лёг на землю. Там же была убита Горбачевская, старая партийная работница.

Другие процессии были расстреляны в других местах. Было убито 6 человек рабочих завода <...>, были убиты рабочие Обуховского завода. 9 января я принимал участие в похоронах убитых; там было 8 гробов, ибо остальных убитых власти нам не выдали, и в их числе было 3 с.-р., 2 социал-демократа и 3 беспартийных, и почти все они были рабочие.

Вот правда об этой демонстрации. Здесь говорили, что это была демонстрация чиновников, студентов, буржуазии и в ней не было рабочих. Так почему же среди убитых нет ни одного чиновника, ни одного буржуя, а все они рабочие и социалисты?

Демонстрация была мирной — таково было постановление Петроградского Комитета, исполнявшего директивы Центрального Комитета и передавшего их в районы...

Подойдя к Таврическому дворцу, чтобы по поручению рабочих некоторых фабрик и заводов приветствовать Учредительное собрание, я и три товарища рабочих пройти туда не могли, потому что кругом шла стрельба.

Демонстрация не разошлась — она была расстреляна.

И это вы расстреляли мирную рабочую демонстрацию в защиту Учредительного собрания!»³³.

Далее Берг заявил: “Я рабочий, я считаю себя виновным перед рабочими России в том, что я не смог со всей силой бороться с так называемой рабоче-крестьянской властью, которая распылила и загубила всех рабочих России (*шум в зале*)... Я ещё раз заявляю, что я рабочий, член партии эсеров”³⁴. На этом процессе в вину эсерам будут вменять и организацию мирных демонстраций в поддержку УС.

Вообще-то расстрелы мирных демонстраций в поддержку УС начались ещё до 5 января. По сообщению газеты “Дело Народа”, 10 декабря 1917 года в Калуге большевиками была расстреляна из пулемётов демонстрация в поддержку УС. 40 человек было убито и ранено³⁵.

Говорить, что погибших было мало, могли лишь законченные циники. Но, как говорил И. А. Бунин по поводу тех же самых большевиков, “в том-то и сатанинская сила их, что они сумели перешагнуть все пределы, все границы дозволенного, сделать всякое изумление, всякий возмущённый крик наивным, дурацким”³⁶.

Горький, в котором – о чудо! – проснулась совесть, сравнил 5 января 1918 года с 9 января 1905-го. Он и сам был в тот день легко ранен. Сегодня нам даже трудно представить, каково было значение сказанного, ибо “Кровавое воскресенье” было символом тягчайшего, можно сказать – “библейского”, преступления, смертного и неотмолимого греха. И теперь в таковом обвинялся не тысячекратно клеймённый проклятьем царизм, а режим “пролетарской” диктатуры.

“Я... органически... не могу... говорить с этими... мерзавцами. С Лениным и Троцким”, – скажет Горький ещё в ноябре 17-го Зинаиде Гиппиус³⁷.

Пойти Ленину на такой шаг было нелегко – пугала неизвестность. Неизвестность была двоякого рода: хватит ли штыков, чтобы удержать ситуацию под контролем, и надёжны ли имеющиеся под рукой штыки.

Как вспоминал эсер Б. Соколов, “качество и количество вооружённой массы, стоявшей на их <большевиков> стороне, было лишь достаточным, чтобы сдержать и разогнать мирную демонстрацию. Но не более. Таково было и мнение большевика Пятакова, стоявшего довольно близко к Смольному. Таково было впечатление и некоторых моих коллег по фракции”³⁸.

Троцкий в своих воспоминаниях свидетельствует о том, что Ленин настаивал на вызове в Петроград ко дню открытия УС латышских стрелков, ибо русский “мужик может колебнуться в случае чего, – говорил он, – тут нужна пролетарская решимость”, после чего распорядился “о доставке в Петроград одного из латышских полков, наиболее рабочего по составу”³⁹.

Да, русскому мужику доверия у Ильича не было. Латыши же чётко осознали, кому и чем обязаны. Как вспоминает Г. Соломон (Исецкий), находившийся в момент покушения на Ленина в советском посольстве в Берлине, один из охранявших его латышских стрелков, получивший преждевременное известие о гибели вождя, горевал: “Ну, уж теперь нам, латышам, несдобровать. За нас за первых примутся”⁴⁰.

Сам Ленин шёл по списку Балтийского флота за номером вторым. Номером первым шёл... П. Е. Дыбенко. Иным округам довериться Ильич не рискнул. И правильно сделал. Чтобы упрочить свою власть, большевикам требовалось разогнать УС. Но делать это нужно было ювелирно. Не получилось. Дело испортил Дыбенко со своей братвой, почувствовавший себя (и не без оснований!) хозяином положения – эдаким начальником “преторианской гвардии” – “братишек”, головорезов в тельняшках, дорвавшихся до дармового спирта и кокаина.

Совнарком обязал комиссара по морским делам П. Е. Дыбенко сосредоточить в Петрограде к 27 ноября до 10–12 тысяч матросов. Последняя цифра говорит сама за себя. Для разгона самого УС такого количества матросов не требовалось. Но они могли бы стать незаменимыми при усмирении столицы.

Зная, с кем приходится иметь дело, правые эсеры попытались заручиться поддержкой верных им частей. Потом их обвинят в попытках выступить с оружием в руках против власти “рабочих и крестьян”. Скажем сразу: военный переворот правым эсерам был совсем не нужен – за ними была громкая и безоговорочная политическая и правовая победа, а устраивать переворот значило, имея на руках мандат от всей России, уничтожить её собственными руками. Следственно, дело заключалось в самообороне, дабы большевики не смогли навязать силовой метод “окончательного решения вопроса” – разгона УС.

Поэтому эсеровское руководство избрало тактику “военной демонстрации”, где войскам, а точнее, двум полкам – Семёновскому и Преображенскому, – лояльным эсерам, отводилась роль мирных демонстрантов: “Мы мирные люди, но наш бронепоезд // стоит на запасном пути...” Впрочем, это не совсем верно. Использовать “бронепоезд” по его прямому назначению никто не собирался. И большевики это знали! Формулой ситуации была та, что описывалась в английской военно-морской литературе – “Fleet in being” – “флот как фактор присутствия”, уже одним своим существованием создающий соответствующую политическую ситуацию. При этом – крайне важно! – участие семёновцев и преображенцев в качестве демонстрантов, поддерживающих УС, планировалось в качестве “мирного и без оружия” шествия!

Два безоружных полка против вооружённого до зубов войска большевиков выглядели не очень убедительно. Правда, в качестве “бронепоезда” планировалось использовать верный эсерам бронедивизион, но буквально накануне технику вывели из строя большевики.

Слово руководителю военной секции правых эсеров Б. Соколову: “Итак, мы стояли перед запрещением вооружённого выступления. Это запрещение застало нас врасплох. Сообщённое же в Пленуме Военной Комиссии, оно породило немало недоразумений и недовольства. Кажется, удалось в самую последнюю минуту предупредить о нашем перерешении Комитет Защиты. Им, в свою очередь, были приняты спешные шаги и изменены сборные пункты. Больше всего волнения пришлось испытать семёновцам.

Борис Петров и я посетили полк, чтобы доложить его руководителям о том, что вооружённая демонстрация отменяется и что их просят “прийти на манифестацию безоружными, дабы не пролилась кровь”.

Вторая половина предложения вызвала у них бурю негодования.

“Что вы, смеётесь, что ли, над нами, товарищи? Вы приглашаете нас на демонстрацию, но велите не брать с собой оружия. А большевики? Разве они малые дети? Ведь будут, небось, непременно стрелять в безоружных людей. Что же мы, разинув рты, должны будем им подставлять наши головы или же прикажете нам улепётывать тогда, как зайцам?”

Мы их успокаивали.

“Товарищи... Боязнь пролить народную кровь... Мы не имеем права вас втягивать в гражданскую войну... Наши вожди говорят...”

Но их было нелегко успокоить.

“Да что вы, товарищи, в самом деле, смеётесь, что ли, над нами? Или шутки шутите?... Мы не малые дети и, если бы пошли сражаться с большевиками, то делали бы это вполне сознательно... А кровь... Крови, может быть, и не пролилось бы, если бы мы вышли целым полком вооружённые”.

Долго мы говорили с семёновцами и чем больше говорили, тем становилось яснее, что отказ наш от вооружённого выступления воздвиг между ними и нами глухую стену взаимного непонимания.

“Интеллигенты... Мудрят, сами не зная, что. Сейчас видно, что между ними нет людей военных”.

И несмотря на продолжительные увещания, в этот вечер семёновцы отказались отстаивать издававшуюся нами газету “Серая шинель”.

“Не к чему. Все равно её прикроют. Одна только канитель”⁴¹.

Можно, конечно, спросить, отчего эсерам не удалось склонить на свою сторону, как минимум, значительную часть петроградского гарнизона. И тому можно приискать достаточно простое объяснение. Большевики уже вели переговоры в Брест-Литовске по поводу заключения мира, который сам же его инициатор назовёт впоследствии “похабным”. Но тогда никакая “похабщина” не была аргументом против большевиков. Напротив, реальные мирные переговоры означали скорое заключение мира и, как следствие, демобилизацию. Эсеры же говорили о справедливом демократическом мире с учётом мнения союзников. Одним словом, и большевики, и эсеры предлагали вооружённому “электорату” двух журавлей в небе. Однако большевистский “журавль” казался “синицей в руках”.

По этому поводу Ю. В. Готье запишет в своём дневнике: “Большевики везде взяли верх, опираясь на невежественных и развращённых солдат; трогательный союз пугачёвщины с самыми передовыми идеями; союз этот не может дать благих результатов; но сколько ужасов, страданий и опустошений

нужно, чтобы несчастный русский народ перестал убивать себя систематическими преступлениями и нелепостями?”⁴².

А вот ещё: “Тов. Крыленко, верховный главнокомандующий большевиками, завязал переговоры с немцами; пошли парламентарями трое — едва ли не все евреи. Россию предают и продают, а русский народ громит, бесчинствует и буйствует, и абсолютно равнодушен к своей международной судьбе. Небывалый в мировой истории случай, когда большой по числу народ, считавшийся народом великим, мировым, несмотря на все возможные оговорки, — своими руками вырыл себе могилу в восемь месяцев. Выходит, что самое понятие о русской державе, о русском народе было маревом, блефом, что всё это только казалось и никогда не было реальностью. Это так, но всё-таки как это глубоко обидно и скорбно”⁴³.

И ещё “...с захватом власти шайкой людей можно было бы бороться, но что делать с народом, который отдал им свои голоса в таком количестве?”⁴⁴.

Не станем обвинять автора этих строк в нарциссизме. В разные моменты времени народ предстаёт в разном качестве. Это обстоятельство ярко отобразил в своём “Борисе Годунове” Пушкин.

И тем не менее, большевики вибрировали: шутка ли? Россия ждёт Учредительного собрания, как манны небесной, а они хотят его разогнать поганой метлой. И уж кому-кому как не большевикам было на практике узнать, что Россия реагирует на эпохальные события и “вызовы времени” “нелинейно”.

Не давало никаких гарантий и введение в город верных по видимости частей — балтийских матросов, от куража которых у Бонча вставали дыбом волосы, и безмолвных, угрюмых латышских стрелков. “Когда мы, несколько человек вокруг молодого Железнякова, пытались теоретизировать, — писал Бонч, — тут же сидел полупьяный старший брат Железнякова, гражданский матрос Волжского пароходства, самовольно заделавшийся в матросы корабля “Республика”, — сидел и чертил в воздухе пальцем большие кресты, повторяя одно слово: “Сме-е-е-рть!” — и опять крест в воздухе: “Сме-е-е-рть!” — и опять крест в воздухе: “Сме-е-е-рть!” — и так без конца. <...> Вдруг в комнату полувбежал коренастый, приземистый матрос в круглой матросской шапке с лентами, с широко открытой грудью. <...> Он то и дело хватался за револьвер и словно искал глазами, в кого бы разрядить его.

И вдруг остановился посреди комнаты, изогнулся, сразу выпрямился и заплясал матросский танец, широко размахивая ногами, отчего его широкие матросские штаны колебались в такт, как занавески. Другие матросы повскакали с мест и присоединились к нему, выделяя этот вольный танец, сатанинский танец смерти, и когда они, распалённые, вертелись в вихре забвения, вдруг остановились, и он, этот коренастый, а за ним и все другие, запевали песню смерти — смерти Равашоля (написанную в честь казнённого французского анархиста-террориста. — **Б. К.**):

*“Задужи своего хозяина,
А потом иди на виселицу”, —
Так сказал Равашоль!*

И каждый из них, а коренастый больше всех и лучше всех, в такт плясу, с чувством злобы и свирепой отчаянности, при слове “Равашоль” делали быстрое движение правой рукой, как будто бы кого-то хватая за глотку и душа, и давя, шевелили огромными пальцами сильных рук, душа изо всех сил, с наслаждением, садизмом и издевательством. <...>

И опять песня смерти, и опять скользкие, за горло хватающие, извивающиеся пальцы, пальцы, душащие живых людей. <...> Рабочие комиссары негодовали и говорили, что это одно из самых опасных гнёзд, там затевались грабежи, открыто говорилось о насилиях над женщинами, о желании обысков, суда и расправы самочинных. Новое правительство они отрицали, как и всякое другое правительство. <...> Я решил ранним утром сейчас же обо всём виденном рассказать Владимиру Ильичу, так как ясно осознал всю ту опасность, которая таилась здесь же, возле нас, под прикрытием наших рядов”⁴⁵.

Но Бонч не был бы верным ленинцем, если бы не приискал всему тому марксистское объяснение: “В сущности, анархизма у них никакого не было, а было стихийное бунтарство, ухарство, озорство и, как реакция на военноморскую муштру, — неумное отрицание всякого порядка, всякой дисциплины”⁴⁶.

7 января именно братва старшего Железняка ворвётся в Мариинскую больницу, где лежали видные кадеты – бывший министр А. И. Шингарёв и член УС Ф. Ф. Кокочкин, – зверски убьёт их, а потом будет долго глумиться над трупами. Всех виновных нехотя выявят, но никакого наказания они не понесут. “Шингарёв был убит не наповал, два часа ещё мучился, изуродованный. Кокочкину стреляли прямо в рот, у него выбиты зубы. Обоих застигли сидящими в постелях. Электричество в ту ночь в больнице не горело. Всё произошло при ручной лампочке”, – записывает в своём дневнике З. Гиппиус, получавшая из Мариинской больницы прямую информацию от своего друга – лечащего врача клиники доктора И. И. Манухина⁴⁷.

9 января “Известия” опубликуют “Объявление по флоту”, подписанное наркомом Дыбенко: “7-го января 1918 года. В ночь с 6-го на 7-е января в Мариинской больнице города Петрограда были убиты Шингарёв и Кокочкин. По показаниям служащих больницы, убийство совершено несколькими лицами в матросской форме. Это дело должно быть расследовано самым строгим образом. На чести революционного флота не может остаться обвинение в том, что революционные матросы способны убивать беззащитных врагов, обезвреженных тюремным заключением. **Я призываю всех, кто участвовал в убийстве, – если это заблуждавшиеся люди, а не насильники контрреволюции** – добровольно предстать перед революционным трибуналом.

Вместе с тем я призываю всех товарищей, у которых имеются сведения об этом деле, немедленно сообщить эти сведения Верховной Морской следственной Комиссии”⁴⁸.

По Дыбенко выходило, что убийцами могли быть не обязательно насильники контрреволюции, а просто “заблуждающиеся люди”.

Поиск сих “заблудших овец революции” будет тянуться долго и вяло. В конце концов, их всех съедут, но наказания из них не понесёт никто. Как и следовало, впрочем, ожидать. Ведь контрреволюционеры – даже больные и беспомощные, – с большевистской точки зрения – не люди, не правда ли?

Как говорил герой А. Платонова, “это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента”.

Вскоре умрёт и Плеханов. Узнав о его смерти, З. Гиппиус запишет в своём дневнике: “Умер Плеханов. Его съела родина. Глядя на его судьбу – хочется повторить соблазнительные слова Пушкина:

*Нет правды на земле...
Но нет её и — выше!*

Он умирал в Финляндии, куда к нему не пустили даже близких друзей, – он просил их приехать, чтобы проститься. После октября, когда “революционные” банды вломались к нему в Царском, стаскивали его с постели, 15 раз подряд, разные, его обыскивали /буквально/, издевались и ругались над ним с последней грубостью, после всего этого внешнего и внутреннего ужаса – он уже не подымал головы с подушки. У него тогда же пошла кровь горлом, из Царского его увезли в больницу, потом в Финляндию.

Его убила Россия, его убили те, кому он, по мере всего разумения, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру быть: 1/ честным 2/ культурным 3/ держаться науки и любить её. Нельзя ему быть – европейцем. Задушат. При царе ещё туда-сюда, но теперь, при Ленине, – конец”⁴⁹.

Нет, убила Плеханова не Россия, а революция, которой он служил верой и правдой. Перефразируя Блока, революция съела его, как “глупая чушка своего поросёнка”. И не подавилась.

Crescendo

В общем, действовать предстояло в условиях полной неопределённости, а жизнь, как известно, коварна и непредсказуема. Тут или пан, или пропал. Но и отступать было некуда. “Нужно – значит возможно!” – так говорил вождь переворота Троцкий. Но “возможно” – не гарантия успеха. Делать было нечего, а действовать следовало нагло и беспощадно.

Большевики готовились к разгону всерьёз. Как вспоминал Троцкий, “большевистские депутаты Учредительного собрания, съехавшиеся со всех

концов России, были, под нажимом Ленина и руководством Свердлова, распределены по фабрикам, заводам и воинским частям. Они составляли важный элемент в организационном аппарате “дополнительной революции” 5 января. Что касается эсеровских депутатов, то те считали несовместимым с высоким званием народного избранника участие в борьбе: “Народ нас избрал, пусть он нас и защищает”. По существу дела, эти провинциальные мещане совершенно не знали, что с собой делать, а большинство и просто трусило”⁵⁰.

... Командовал парадом в тот день Дыбенко. Он был царём и богом в Питере. А то и во всей России. За ним стояла реальная военная сила. И “народные комиссары”, не говоря уже о членах УС, — все были в его руках. Ещё живые. Тёпленькие.

В качестве средства психологического давления на большинство с целью провокации его на необдуманные и роковые шаги была использована галёрка — “вольные зрители”. Отбором кандидатов и выдачей им пропусков ведал М. Урицкий (в день открытия УС уличные грабители сняли с него шубу).

А что же победившее большинство, точнее, его эсеровская верхушка? На что рассчитывало оно, прекрасно зная, с кем имеет дело? “Знало ли что? Или в фатум ты верило?” — можно сказать, перефразируя слова поэта.

Позже, особого желания брать на себя бремя ответственности в условиях разверзавшейся по чужой милости катастрофы у эсеров не было. А что было? А была “установка” положиться на судьбу: что будет, то и будет. Авось народ поддержит, а то и взбунтуется, и власть падёт в руки сама. Бросать бомбы — это одно, агитировать мужика — другое, но брать власть — это совершенно иное третье. Главное — не усердствовать. Но с таким настроением не побеждают, а гибнут.

Пойти до конца — своего и чужого — мог лишь наделённый не считающей-ся ни с чем сатанинской волей к власти.

Живший в народе и среди народа писатель И. Ф. Наживин — добрый знакомец графа Л. Толстого и “контрреволюционер”, на глазах которого проходил избирательный марафон, — называл эсеровских вождей “политическими импотентами”. И куда девался их прежний кураж с бомбометанием?

А что говорили о себе и своей партии сами эсеры? “Лучшие, самые лучшие, из честных честные”, — по словам З. Гиппиус. А вот что: “Чернов — негодяй, которому мы за границей и руки не подавали, но... мы сидим с ним рядом в Центр<альном> Комит<ете> партии, и партия ультимативно отстаивает его в Правительстве (писано летом 1917 года. — **Б. К.**). Громадное большинство в Цент<ральном> Ком<итете> партии с.-р. — или дрянь, или ничтожество. Всё у нас построено на обмане. <...> Да, у нас многие — просто германские агенты, получающие большие деньги... Но мы молчим. Многих из нас тянет уехать куда-нибудь... Но мы не можем и не хотим уйти из партии. Чистка её невозможна. Кто будет чистить?”⁵¹.

... Заседания открылись, вопреки всем обыкновениям, не утром, а в 16.00, когда большевикам стало окончательно ясно, что мирные протесты сторонников УС подавлены. И всё же дело нельзя было считать окончательно выигранным. Оно осложнялось тем, что простой разгон с последующим расстрелом квалифицированного эсеровского большинства был абсолютно неприемлем. “Учредилку” требовалось прикрыть без стрельбы и расправ на месте. Забегая вперёд, скажем, что “смотрящим” приходилось сдерживать особо ретивых охранников, более похожих на тюремных надзирателей, то и дело порывавшихся пальнуть пулей в ненавистных им депутатов-эсеров. Требовалась просто — без шума и пыли — прикрыть парламентскую говорильню, продемонстрировав городу и миру её полную никчёмность и контрреволюционность.

Таврический дворец напоминал в тот день осаждённую крепость: всюду солдаты и матросы, винтовки, пулемёты, гранаты и т. д. Это не они, “человеки с ружьями” находились среди “учредителей”, а “учредители” среди них, взятые в плотное кольцо.

Весь Петроград представлял из себя в этот день вооружённый лагерь — большевистские войска окружали сплошной стеной здание Таврического дворца, которое было подготовлено для заседаний Учредительного собрания⁵².

А это воспоминания Н. Огановского: “Вглядываюсь в лица караульных: это “отборная” гвардия Смольного — все молодёжь — двадцатилетние юнцы,

с причёсками а la sarouïe или с взбитыми “чёлками” кудерьками на лбу. Говорят, что в парикмахерских они, не стесняясь, платят по пятёрке за пахучие помады, которыми превращают в модные причёски торчащие белобрысые вихры бывших сапожных подмастерий и лавочных мальчишек — “попихачей”. Эти “отборные” — несомненно, деклассированные отбросы рабочих кварталов, которые имеют вид альфонсов или лакеев в подозрительных притонах, дали все подписку в беспрекословном подчинении совету комиссаров, так же, как прежде жандармы давали такую же подписку, в которой отрекались и от отца, и от матери, и от родины. И так же, как эти последние, они готовы посадить на штык всякого, на кого их науськают за жирную еду, за 10 кусков сахара в день, за 25 рублей подённой платы.

Глядят и они на нас с нахальной усмешкой, папироской в углу рта, небрежно поигрывая винтовками. У иных за поясом, а у других за голенищами сапог торчат ручные гранаты. Говорят (я сам не видал), в разных залах и комнатах имеется наготове “чёртова шарманка” современной войны — новенькие пулемёты, полученные от союзников, так и не отправленные на фронт.

Среди “публики”, толпящейся в зале, преобладают солдатские шинели; те же ухарские сдвинутые набекрень фуражки и искусно подвитые чёлки. Наоборот у девиц — растрёпанные причёски и наружность истеричек. Начинаешь сообщать, что и публика, допущенная большевиками, тоже “отборная”...⁵³.

“Мы, депутаты, были окружены разъярённой толпой, готовой каждую минуту броситься на нас и нас растерзать”, — вспоминал правый эсер Зензинов⁵⁴.

О характере этого наберёванного и отобранного спецконтингента остались красочные воспоминания. Вот одно из них (принадлежит Огановскому): “Всё большевистское дно здесь налицо. Рабочие, вооружённые кронштадтцы, вооружённые солдаты различных полков с красными звёздами и также вооружённые красногвардейцы. Вся эта пёстрая толпа шумит, грохочет, слоняясь из буфета в буфет.

Им нет дела ни до Учредительного собрания, ни до высшей политики, ни до борьбы партий. Они сюда пришли, ибо их обещали напоить, накормить, наградить щедрой рукой. И они, зевая и скучая, ждут обещанного развлечения, когда им позволено будет “разыграть” буржуазных предателей, народных избранников.

Я брожу среди них. Незаметный, законспирированный своей солдатской шинелью.

Прислушиваюсь к их разговору и положительно теряюсь. Не понимаю, где я нахожусь. В Таврическом ли дворце, на открытии Всероссийского Учредительного собрания, среди революционного народа, пришедшего послушать своих избранников, или же в уголовной тюрьме. Отборнейшая ругань, площадная и совершенно нецензурная, висит в воздухе. Добрая половина из гостей совершенно пьяна. Некоторых из них рвёт тут же в буфете. Растянувшись на мягких диванах, спят два матроса”.

Для еврея Н. П. Пумпянского это были “хулиганы из чайной Союза русского народа”, для русских Б. Ф. Соколова и Н. П. Огановского — “банда пьяных матросов” и “становище хамоидолов”.

“Хамоидолы” чётко управляемы и действуют по команде. Руководят этим тт. Драбкин (“Гусев”) и Урицкий.

Двери зала заседания по-прежнему закрыты. При них — вооружённые матросы.

Вспоминает Б. Ф. Соколов: “Мы, которые составляем большинство народных избранников и которые не имеем даже достаточно силы, чтобы проникнуть в большой зал заседаний без разрешения большевиков, ведь у дверей белого зала стоят вооружённые матросы.

Мы обсуждаем положение.

“Мы должны открыть заседание без большевистской фракции... Но больше ждать невозможно. Мы их должны предупредить”.

“Бесполезные попытки. Не слушаются, смеются. — Начнём заседание тогда, — говорят, — когда Ленин прикажет. Пока сидите смирно”.

“Безобразия. Позор. Надо предпринять решительные меры”.

Но что мы можем сделать?

Вся галерея полна “приглашённых”. Гости это особенные, пришедшие по пригласительным билетам большевистского коменданта”⁵⁵.

И вот час пробил: члены УС входят в отворённый зал. Вновь слово эсеру Б. Соколову: “Товарищи, – говорят наши старосты, – только держитесь вместе. Будут избивать-убивать, всё же будет легче”. И мы с чувством обречённых, мы – народные избранники, идеализировавшие ЕГО, входим в зал.

Нас встречает хохотом, диким свистом и руганью полупьяная галёрка”⁵⁶.

Так открывается Всероссийское Учредительное собрание.

“Многие из нас, – вспоминал Зензинов, – были уверены, что не вернутся живыми домой”⁵⁷.

Заседание открывается со взывания к заклеймённому проклятьем – пения “Интернационала”. Отклонить первое же и вполне “невинное” предложение большевиков – значит дать им повод для скандала. Эсерам скандал не нужен. Не зная слов, они подтягивают, повторяя слова за “профессионалами” хорошего пения. Это о них, “любителях хорошего пения”, об их гимне и об их регенте – “Швондере” – напишет позже М. А. Булгаков.

“Дубинушку” надо было!” – говорит мужичий делегат-эсер. “Дубинушка”, кстати, считалась в начале века “революционной песней” – ею начинались либеральные политические банкеты, бывшие формой политических митингов, совещаний и “круглых столов”.

“О России-то и забыли!” – посетует другой, оставшийся неизвестным эсеровский депутат-крестьянин. Какая ещё “Россия”, мил-человек! Тут диктатура рабочих и крестьян, а “Россия” – слово контрреволюционное!

Первые же реплики представителей эсеровского большинства раздаются под хохот, разбойничий свист и ругань полупьяной галёрки.

Председатель УС В. Чернов описывал вскоре ситуацию в зале так: “Нестройные выкрики, пронзительный свист каких-то специалистов этого дела, вкладывавших в рот два пальца и наполнявших зал оглушительным посвистом, способным заполнить былинный посвист Соловья-Разбойника; стража, наряженная якобы для соблюдения порядка и напрягающая все силы для произведения наибольшего беспорядка; винтовки и револьверы, направляемые время от времени с хор и из проходов по направлению к неугодным ораторам; хулиганские выходки людей, набранных в Таврический дворец, чтобы инсценировать “народное сочувствие” большевикам, и потому чувствующих себя вправу “располагаться, как дома” и класть ноги на стол”⁵⁸.

И галёрка, и народные комиссары вели себя, по словам Чернова, “словно толпа буйных умалишённых”⁵⁹. По традиции, заседание открывает старейший по возрасту депутат. Им оказывается бывший “ходок в народ” С. П. Швецов. Слышны крики: “Самозванец!” Будто не все собравшиеся в Таврическом самозванцы. К нему подскакивает, словно выпрыгнувший из табакерки, Свердлов и пытается согнать старика с трибуны. Возникает лёгкая потасовка. Швецов едва успевает произнести: “Объявляю заседание Учредительного собрания открытым!” – и сходит с трибуны. Лужёная глотка Свердлова исторгает “Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа”.

Дебют разыгран. Правда, играют сегодня отнюдь не в шахматы.

В одной из лож сидит Ленин. В Таврическом он не в качестве члена УС (это было бы унижением власти!), а в качестве председателя правительства, официально считающегося временным, хотя и народным. Он мертвенно бледен, как отмечал следовавший за ним тенью Бонч-Бруевич. Нервы у Ленина на пределе. В этот день у него украдут из кармана пальто браунинг. Зачем он брал с собой на заседание оружие? В кого собирался стрелять? Вора найдут – им окажется охранник – и тут же расстреляют в Таврическом саду, дабы не ходить далеко.

А куда сидящего в ложе и блестящего лысой головой правителя России изучает молодой эсер Б. Збарский. Через шесть лет он станет потрошить труп Ильича и готовить его к длительному (в идеале – вечному) хранению.

Долго и нудно выбирают (“баллотируют”) председателя. Галёрка устремляется в буфет. Истерики на время прекращаются.

Кандидат от большевиков и левых эсеров – “икона ревстиля”, психически не здоровая Маруся Спиридонова – сходит с дистанции. Председателем, как и ожидалось, избирается В. М. Чернов. Он едва не стал премьером Временного правительства – власть естественным образом плыла к нему в руки. Но три месяца назад его карьеру испортили большевики.

Allegro

Игра переходит в миттельшпиль. И вновь свист, улюлюканье, гвалт, выкрики. Не хватает лишь стрельбы.

На трибуну забирается большевик И. И. Скворцов-Степанов. А мы представим слово Раскольникову: “Иван Иванович (Скворцов-Степанов. — Б. К.) как теоретик даёт урок политграмоты нашим врагам.

— Как это можно, — недоумевает он, — апеллировать к такому понятию, как общенародная воля... Народ не действует в целом. Народ в целом — фикция, и эта фикция нужна господствующим классам. Между нами всё кончено. Вы — в одном мире, с кадетами и буржуазией, мы — в другом мире, с крестьянами и рабочими. — Впоследствии Скворцов-Степанов с гордостью рассказывал мне, что его речь была одобрена Лениным. <...> Наши на каждом шагу перебивают оратора презрительными насмешками, иронией, издевательством”⁶⁰.

Машинистка из бюро Урицкого Е. П. Селюгина вспоминала в 1956 году: “Пока говорят наши, большевики, мы сидим тихо, а когда другие, мы по сигналу Гусева свистим, трещим и кричим, что он нам подскажет: “Сколько тебе Антанта заплатила?” — или: “Долой войну!” — или ещё что. А то просто свистим и трещим. На следующий день в газетах друг другу показываем. Председатель: “Граждане в дипломатической ложе! (А это — мы!) Если вы не прекратите шуметь, я прикажу вас вывести из зала!” — А кому он прикажет? Матросам? Толе Железнякову? В перерывах нам Гусев давал каждому особое задание — нужно было помешать делегатам собраться на фракционные собрания. И вот я со своим бантиком на голове выплываю перед каким-то высоким грузином и пристаю: “Что вы думаете о мире без аннексий и контрибуций?”, “А вы не против восьмичасового рабочего дня?” А он отводит меня рукой в сторону и повторяет: “Девочка, тебе пора спать, иди домой”. А я опять прыгаю перед ним. Я уж потом подумала, может, он не на фракционное собрание хотел, а просто в уборную, а тут я со своим бантиком и вопросами. И так мы на всех заседаниях...”

Эсеры сидят, как изваяния, демонстрируя феноменальную выдержку и дисциплину. Они готовы ко всему. Даже к расстрелу. А тем временем большевики... Вновь слово очевидцу и участнику событий — на сей раз секретарю УС М. Вишняку: “Это была бесновавшаяся, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Степанов-Скворцов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собою зрелище бесноватых, сорвавшихся с цепи”.

Воспоминания похожи одно на другое. Самое главное, что то же самое рассказывают и большевики: всё те же Бонч и Раскольников.

Большевистское меньшинство делает следующий ход: оно покидает собрание после заявления, зачитанного Ф. Ф. Раскольниковым, — незадавшимся дипломатом, а в скором времени большевистским литератором и чиновником от литературной цензуры. Вслед за ними поспешат ретироваться и левые эсеры. Эсеровское большинство остаётся. Теперь оно предоставлено самому себе.

Игра переходит в эндшпиль. Но караул уже устал. Ленин приказывает подождать, когда “учредители” выдохнутся, закончат работу и разойдутся. На завтра никто их в Таврический не пустит. Но “диктатор” Дыбенко решает продемонстрировать, кто в доме главный, и дерзит Ильичу: “Где гарантия, что завтра не полетят матросские головы?” Затем отдаёт приказ матросу Железнякову разогнать собравшихся. Готовый, по его собственным словам, расстрелять хоть миллион двуногих, тот понимает, что за игнорирование приказа главы правительства его самого могут прислонить к шершавой стенке. А это уже совсем иной сюжет! Но есть и непосредственное начальство, приказ которого “закон для подчинённых”. Железняков просит Ленина отдать письменный приказ тов. Дыбенко. Ленин шутя отмахнётся. Он не захочет оставлять следов и переть на рожон. И будет таков — перечить Дыбенко нынче не след.

Дыбенко же приказывает: “Исполняй!” Теперь “ежели что”, шлёпнут его, Толю Железнякова. Но делать нечего. Железняков подходит к Чернову, кладёт ему руку на плечо и что-то говорит. Что именно — не слышно. Но явно какую-то историческую фразу.

Чернов закрывает заседание и просит собравшихся явиться назавтра в 17.00 для продолжения работы Учредительного собрания. “Учредители” покидают зал. Двери за ними запираются.

Навсегда.

Через пару дней в Москве на Красной площади у Никольских ворот был отслужен молебен в знак протеста против разгона Учредительного собрания.

Не поздновато ли мы тогда спохватились?

И кто же праздновал свержение православного царя?

Пушкин?

Теперь с Россией можно было делать всё, что угодно.

Спустя сутки Ленин по привычке напишет: “Я потерял понапрасну день, мои друзья”. Так гласит одно старое латинское изречение. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о потере дня 5 января. <...> Это ужасно! – Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий “социального”, лублановского фразёрства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое”.

Как в воду глядел!

Статью свою он не закончит. Напечатана же она будет в “Правде” за 21 января 1926 года – во вторую годовщину со дня смерти автора.

Да, трупная тематика была сквозной темой и навязчивой идеей Ильича. Он и “всякого боженьку” называл “труположством”⁶¹. А на вопрос, заданный ему однажды “всесоюзным старостой” Калинин, чем заменить религию (“духовную сивуху”⁶²), задумался и ответил: “Театром”⁶³.

Как вспоминал в 1924 году Троцкий, Ленин говорил ему по поводу разгона Учредительного собрания: “Конечно, было очень рискованно с нашей стороны, что мы не отложили созыва, – очень, очень неосторожно. Но, в конце концов, вышло лучше. Разгон Учредительного собрания советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры. Теперь урок будет твёрдый”. Так теоретическое обобщение шло рука об руку с применением латышского стрелкового полка. Несомненно, что в то время должны были окончательно сложиться в сознании Ленина те идеи, которые он позже, во время первого Конгресса Коминтерна формулировал в своих замечательных тезисах о демократии”⁶⁴.

Сам Троцкий выскажется по сему поводу в своей броской манере: “В лице эсеровской учредилки февральская республика получила оказию умереть вторично”⁶⁵.

И чуть ниже: “Была маленькая и жалконькая арьергардная демонстрация сходящей со сцены “демократии” <...> Раздутые фикции лопнули, дешёвые декорации обвалились, напыщенная моральная сила обнаружила себя глуповатым бессилием. Finis!”⁶⁶.

Как писал в своих мемуарах Ф. Раскольников, “когда на другое утро Дыбенко и я рассказали Владимиру Ильичу о жалком конце Учредительного собрания, он, сощурив карие глаза, сразу развеселился.

– Неужели Виктор Чернов беспрекословно подчинился требованию начальника караула и не сделал ни малейшей попытки сопротивления? – недоумевал Ильич и, глубоко откинувшись в кресле, долго и заразительно смеялся”⁶⁷.

Смех то был нездоровый. Через полтора десятка лет любимчик партии Бухарчик разговорится в дороге с соседом по железнодорожному купе: “В ночь разгона Учредительного собрания Владимир Ильич позвал меня к себе. У меня в кармане пальто была бутылка хорошего вина, и мы (следовало перечисление) долго сидели за столом. Под утро Ильич попросил повторить что-то из рассказанного о разгоне Учредилки и вдруг рассмеялся. Смеялся он долго, повторял про себя слова рассказчика и всё смеялся, смеялся. Весело, заразительно, до слёз. Хохотал.

Мы не сразу поняли, что это истерика. В ту ночь мы боялись, что мы его потеряем”.

...Через два месяца после разгона УС Горький отпишет своей первой и единственно законной жене Е. Пешковой, похоже, единственному человеку, с которым он мог говорить откровенно на любые щекотливые темы: “Здесь, “когда начальство ушло” (то есть бежало в Москву. – **Б. К.**), все его ругают, и особенно крепко – рабочие, что вполне естественно, ибо никогда ещё и никто не обманывал так нагло рабочий класс, как обманул его Ленин. Плохо, брат! Так плохо, что опускаются руки и слепнут глаза”⁶⁸.

Это “когда начальство ушло” тоже весьма знаменательно: ведь это название книги В. В. Розанова о бунтах 1905 года.

После бала

Через несколько дней после разгона УС в Первопрестольной отпевали демократию, право и законность. Разгон УС наталкивал на единственно возможный вывод: бороться с большевизмом политическими и правовыми средствами — невозможно. Остаётся лишь путь вооружённой борьбы. Сознавали ли большевики последствия своего решения — Бог весть. Во всяком случае, руководила ими иная идея: утвердить свою власть во что бы то ни стало, а средством обоснования её служили не какие-то лживые “буржуазные химеры”, а собственная воля. И делалось это демонстративно.

Разгон Учредительного собрания ознаменовал собой и окончательное падение страны в правовой нигилизм и, как следствие, в политический беспредел. ... Все усилия получить разрешение на перевозку тел покойных Шингарёва и Кокошкина в Москву оказались безрезультатными. Власти боялись, как бы это не вызвало слишком опасной демонстрации.

“Панихида, — писал известный кадет и масон Л. А. Кроль, — состоялась при невероятном стечении народа. Присутствовал весь наличный в Москве состав ЦК. По окончании панихиды, при выходе как-то невольно все остановились. Получилась весьма импозантная живая картина. Вся монументальная лестница храма была усеяна публикой, а наверху её резко выделялась знакомая москвичам фигура проф. Новгородцева. Импровизированный молчаливый митинг протеста говорил сильнее всяких слов. Очевидно, это действовало даже на большевиков. Несомненно, что их шпииков тут было вполне достаточно.

Но арестовать членов ЦК тут же не рисковали, хотя через несколько часов на их квартиры являлись⁶⁹.

Тяжело переживали разгон УС записные русские либералы, приложившие свою длань к сокрушению “старого режима”, например, А. Ф. Кони. “Сановник, стяжавший известность защитой революционеров; человек, никогда не погрешивший против совести; государственный деятель, оказавшийся в плену предрассудков своего века и не разглядевший пророка в своём старшем современнике Достоевском... <...> ...свержение Временного правительства и особенно разгром Учредительного собрания потрясли Кони. Потрясли настолько, что дальше он жил уже раздвоенным, наполовину отрёкшимся от себя. В этом я видел неизбежную судьбу таких вот честно заблуждающихся людей XIX века, замороженных багровыми отсветами слова РЕВОЛЮЦИЯ...”⁷⁰.

Совесть Кони оказалась... “с душком” — либеральным, антимонархическим, а по сути антисоциальным. Отрезвили ли его последующие события — Бог весть. Но вот его клиентка — одержимая идеей революции Вера Засулич — тоже пришла от свершившегося в ужас.

Нельзя сказать, чтобы политические силы оставили разгон УС и расстрел его сторонников без внимания. Так, ЦК РСДРП(о) (объединённой, то есть меньшевистской. — **Б. К.**) принял резолюцию, в которой чёрным по белому сказано:

“5 января

Ввиду произведённого в Петрограде расстрела мирной рабочей демонстрации, выступившей для поддержки Учредительного Собрания, и ввиду того, что повсюду в провинции большевистская власть сделала такие же приготовления к кровавому подавлению рабочего движения, ЦК РСДРП (объединённой) постановляет:

1. Немедленно оповестить обо всём происшедшем весь рабочий Интернационал.

2. Призвать все партийные организации к проведению широкой кампании протеста против расстрела рабочих и к организации демонстративных похорон жертв большевистского террора, приурочив их по возможности к 9-му января.

Всюду, где местные Советы взяли на себя ответственность за расстрел мирных демонстрантов и где в этих расстрелах принимала участие красная гвардия, рекомендовать рабочим немедленные перевыборы в Советы и отзывание красногвардейцев, выступивших против своих братьев.

ЦК РСДРП (объединённой) призывает всех рабочих к революционной выдержке. Никаких актов мести! Рабочее дело победит, хотя две партии, имеющие себя социалистическими (большевиков и лев<ых> с.-р.), изменив рабочему классу, обагрили свои руки в пролетарской крови”⁷¹.

Выпустит свою листовку и плехановское объединение “Единство”: “Учредительное собрание разогнано насильниками. Это произошло потому, что на стороне господствующего меньшинства находится большинство людей вооружённых. 5 января 1918 года показало это весьма наглядно. События этого и последующих дней с большой ясностью обнаружили истинную сущность нынешней власти, её тиранический характер”⁷².

Следует сказать, что не менее жёстко выступило “Единство”, входившее во “Всероссийский Комитет спасения Родины и революции” и против самого октябрьского переворота. Им было выпущено воззвание “Гражданам Российской республики!”, в котором была дана характеристика происшедшему событию: “Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всеми желанный мир. Гражданская война, начатая большевиками, грозит свергнуть страну в неопишываемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание. Не признавайте власти насильников”⁷³.

Но всё это уже было лишь пустое сотрясение “воздухов”.

Уже на следующий день после разгона УС большевистские “Правда” и “Известия” разразятся хулой по адресу “учредителей”. Их назовут “прислужниками банкиров, капиталистов и помещиков”, “объявившими войну завоеваниям октября и революции”, “непримиримо-враждебными трудящимся”, “врагами народа”, “убийцами из-за угла” (*намёк на эсеровское прошлое. – Б. К.*), “холопами американского доллара” (*странно, что не немецких рейхсмарок... – Б. К.*), “агентурой контрреволюционной буржуазии”, которая, как писали “Известия”, “не будучи в состоянии одолеть трудящихся в открытом бою, решила взять их измором, тихой сапой”. Учредительное собрание “осудило себя само. Оно учинило над собой хакари”. Заканчивалась заметка словами Ф. Шиллера:

*Мёртвый, в гробе мирно спи:
Жизнью пользуйся, живущий!*⁷⁴

Незадавшийся литературный критик Троцкий назовёт Учредительное собрание “упразднительным собранием”, поскольку-де “оно имело единственной целью упразднить все завоевания октябрьской революции”⁷⁵.

Весьма “изящен” в стилистическом отношении был и Декрет о роспуске Учредительного собрания. В нём повторялся совершенно неприличный, если не сказать жульнический, тезис о том, что УС было выбрано по спискам, составленным до Октябрьской (“октябрьской” с прописной литеры! – Б. К.) революции, а потому крестьяне, дескать, просто не могли проголосовать за левых эсеров. Но ведь вся Россия знала и не могла не знать, что раскол эсеров на “правых” и “левых” начался ещё во время подготовки выборов в УС, а в ряде губерний – Воронежской, Вятской, Тобольской – левые эсеры выставили свои списки, но потерпели жестокое поражение. Тем не менее, сей большевистский миф переживёт саму советскую власть и войдёт в учебники истории страны.

Однако читаем дальше: “Трудящимся пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма. <...> Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской Республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительное собрание было бы теперь шагом назад и крахом всей октябрьской рабоче-крестьянской революции. <...> Вне стен Учредительного собрания правые эсеры и меньшевики ведут открытую борьбу против Советской власти, призывая в своих органах к свержению её, объективно этим поддерживая сопротивление эксплуататоров переходу земли и фабрик в руки трудящихся.

Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции за свержение власти Советов”. Налицо, как видим, ложь и демагогия.

Резолютивная часть была коротка: “Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет: Учредительное собрание распускается”⁷⁶.

А ещё через две недели – 18 (31) января – созванный в ураганном порядке некий III Всероссийский съезд Советов одобрит Декрет о роспуске Учредительного собрания и примет решение об устранении из законодательства указаний на временный характер советского правительства (“впредь до созыва Учредительного собрания”). Из приличий на съезд будут допущены в гомеопатических дозах меньшевики, среди которых отметится своим остроумием Ю. О. Мартов.

Разогнанные “учредители” подались в бега и 8 июня 1918 года организовали в Самаре Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (“Комуч” или “КОМУЧ”) – первое антибольшевистское всероссийское правительство России. Правду сказать, сие стало возможно благодаря взбунтовавшимся нежданно-негаданно бывшим пленным чехословакам. История сия темна и мутна. А 23 сентября Комуч поучаствовал уже в организации Временного (очередного **временного!** – **Б. К.**) Всероссийского правительства, так называемой “Уфимской Директории”. Реально её власть распространилась на часть Поволжья и южного Урала. Директорствовали директоры недолго: через два месяца их разогнали нагайками казаки А. В. Колчака. Адмирал был человек серьёзный и бомбистов с болтунами на дух не переносил.

Когда учредителей-директоров рассаживали по вагонам, оркестр на перроне исполнял народный гимн “Боже, Царя храни!”, что вызвало открытое возмущение представителя Антанты генерала М. Жанена – “генерала без чести”.

Назвать акцию адмирала переворотом, как это часто можно слышать, не поворачивается язык, ибо какая бы то ни было “легитимность” в условиях гражданской войны становилась издевательством не только над правом и идеей права, но и житейским здравым смыслом.

Кто из учредителей смог, тот сбежал за границу или был выдворен Колчаком за пределы России. Кому не повезло, приняли от адмирала почётную смерть от пороха и свинца. Кто-то же должен был наказать нераскаившихся и нераскаянных бомбистов?

Смута накрыла Россию.

Самозванцы ополчились против самозванцев. Временные против временных.

Ради созыва Учредительного собрания свергалось Временное правительство. Свергнувшие объявили своё правительство тоже временным, оно подчиняться Учредительному собранию не собиралось и уже не хотело быть временным – оно объявило себя постоянным. Изгнанные “учредители” создали своё временное правительство, но их ликвидировали другие временщики. А те, кто объявил себя постоянными, стали со вкусом соревноваться на длину ножа. Вот и вся печальная история с Учредительным собранием.

После разгона Учредительного собрания ленинский коммунизм продолжит свое яростное наступление на людей. “Обнулятся” все сбережения в ценных бумагах, будут аннулированы государственные займы, ликвидированы государственные облигации, которыми владели граждане, в двухнедельный срок всех обяжут сдать всю имеющуюся на руках валюту. Будет отменена частная собственность на недвижимость в городах, начинается “уплотнение” и выселение. Будет упразднено право наследования – всё нажитое людьми будет передаваться “пролетарской диктатуре”.

Будет введён единовременный чрезвычайный десятиллиардный налог с имущих лиц: для Москвы – 2 млрд рублей, для Московской губернии – 1 млрд рублей, для Петрограда – 1,5 млрд рублей. Ленинским декретом местным органам власти будет предоставлено право “устанавливать для лиц, принадлежащих к буржуазному классу, единовременные чрезвычайные революционные налоги”, которые “должны взиматься преимущественно наличными деньгами”.

А подача электричества станет признаком того, что ночью будут проводиться очередные обыски, аресты и конфискации.

И символом этого коммунизма мог бы стать ленинский череп со скрещенными под ним костями. Но от ленинского коммунизма, равнозначного гибели, страну спасут кронштадтские бузотёры и тамбовские повстанцы.

Через двадцать лет в “Кратком курсе истории ВКП(б)” разгону Учредительного собрания будет посвящено всего лишь одно предложение⁷⁷, сама история с разгоном будет предельно мифологизирована и сведена к банальному эпизоду, досадному недоразумению. И это понятно: в доме повешенного

не говорят о веревке. Да и событий в советской истории накопится к тому времени немало.

Финал-апофеоз

Теперь о судьбах членов УС. И начнём мы с проигравших – кадетов и эсеров.

Сначала о меньшинствах – о партии “Народной свободы”, а в просторечии – кадетов, силы которых в городе так опасался товарищ Сталин.

По декрету СНК были арестованы 2 депутата Учредительного собрания от конституционно-демократической партии (кн. П. Долгоруков и Ф. Ф. Кокошкин) и 2 бывших министра Временного правительства (В. А. Степанов и А. И. Шингарёв). 7 января 1918 года двое из них – Ф. Ф. Кокошкин и А. И. Шингарёв – были зверски убиты в Мариинской тюремной больнице пьяной братвой Железнякова-старшего.

Но были ещё члены УС от партии “Народной свободы” (в просторечии – “кадеты”).

Коновалов А. И. – крупный предприниматель, депутат Государственной Думы. Министр торговли и промышленности Временного правительства. Массон высоких градусов. 25 октября арестован и препровождён в Петропавловскую крепость. Находясь в заключении, был избран членом УС. 5 января 1918 года сидел в крепости. Освобождён в начале января 1918 года и уехал во Францию. Умер в Париже в 1949 году.

Кутлер Н. Н. – убеждённый либерал, противник Русского Самодержавия. Неоднократно арестовывался большевиками. Первый раз – 29 декабря 1917 года. При аресте случайно был ранен. Освобождён 26 января 1918-го. Встречался с коллегой по УС – Ульяновым-Лениным. Введён в состав правления Госбанка РСФСР, работал также в Наркомфине. Один из организаторов денежной реформы 1922–1924 годов. Едва не стал членом коллегии Наркомфина. Против его назначения бурно протестовал “железный Феликс”. Скончался в Москве в мае 1924 года. Важной частью церемонии его похорон стала киносъёмка – честь, которой удостоивались далеко не все высокопоставленные коммунисты.

Маклаков В. А. – адвокат, общественный деятель. Депутат Государственной Думы. Ярый противник Русского Самодержавия. Массон высоких градусов. Один из защитников Бейлиса. Членом УС был избран, будучи во Франции. В декабре 1917 года тайно переправил в США часть архивов Охранного отделения. Надо полагать, знатный компромат на революционную шатиюбратию. В апреле 1941 года арестован гестапо, пробыл пять месяцев в заключении. В 1945 году посетил советское посольство во Франции. Умер в 1957 году в Париже.

Милюков П. Н. – в представлении не нуждается. Массон. В деятельности УС не участвовал, так как гостил в это время у генерала Алексеева на Дону. Искренне радовался победе советских войск под Сталинградом. Умер в Саvoye в 1943 году.

Новгородцев П. И. – один из крупнейших русских теоретиков права. Уплыл из России на “философском пароходе” и умер в Праге, на три месяца пережив своего коллегу по УС – Ульянова-Ленина. Перед смертью публично каялся в своих и чужих либеральных грехах, а также в том, что стеснялся использовать в политическом лексиконе слово “русский”.

Винавер М. М. – адвокат, член Государственной Думы. В 1919 году бежит из Москвы в Крым, где становится министром внешних сношений. Умер в 1926 году во Франции.

Астров Н. Н. – товарищ комиссара Временного правительства в Москве. Затем Московский городской голова. Один из главных советников генерала А. И. Деникина. Умер в Праге в 1934 году.

Родичев Ф. И. – горячий поклонник Герцена. Ярый противник Русского Самодержавия. В 1876 году отправился добровольцем на войну сербов и черногорцев против турок. Позднее вспоминал: “Летом 1876 года я поехал волонтером за Дунай отыскивать свободу. Мне всё мерещились Лафайет или Костюшко. Я считал, что дело свободы славянской есть дело свободы русской”. Депутат Государственной Думы. Думский Цицерон. Автор мема “столыпинские

галстуки”. Комиссар Временного правительства по делам Финляндии. Противник её отделения от России. В 1919 году направлен командованием Добровольческой армии в Сербию, где агитировал за создание сербских легионов для участия в борьбе против большевиков. В 1920 году – представитель Добровольческой армии в Польше. Умер в Лозанне в 1933 году.

Трагично сложилась лишь судьба Л. А. Велихова – публициста, депутата Государственной Думы, февралиста. Он остался в России, был профессором Педагогического института, преподавал на хозяйственных курсах и в совпартшколе. С 1921 года профессорствовал в Ростовском университете по кафедре политической экономии. Получил степень доктора философии. Осенью 1923 года был арестован. От почётной должности агента-осведомителя отказался. Вернулся к преподаванию. В 1937 году получил инвалидность 2-й группы и вышел на пенсию. В августе 1938 года был арестован. Обвинялся по 58-й статье в организации террористической группы. Допрашивал его В. С. Абакумов (тот самый). Приговорён к 8 годам лагерей. По имеющимся сведениям, умер в 1942 году в Березняковском лагере.

Трудно сказать, повезло или не повезло назначенному Временным правительством председателю комиссии по выборам в УС (“Всевыборы”) В. Д. Набокову (отцу писателя В. В. Набокова) – аристократу-фрондёру, гордецу и убеждённому противнику русской монархии.

Он, как и другой председатель комиссии (но уже от большевиков) Урицкий, тоже был избран в Петрограде в УС. Набоков счастливо избежит ареста, уедет в Крым, а оттуда – за границу. Как и Урицкого, его тоже застрелят. Это случится в 1922 году в Берлине. В пылу борьбы он попадётся под руку русскому монархисту, покушавшемуся на П. Н. Милюкова. По словам нападавшего, причиной покушения стала месть за сознательную клевету экс-приват-доцента на последнюю Государыню.

И. А. Бунин напишет о Набокове некролог под титлом “Великая потеря”.

Право же, за свою долгую жизнь выдающийся русский писатель мало о ком сказал доброе слово.

А теперь о судьбах главных “героев” УС – видных эсерах и их “разгонщиках”. Начнём с потерпевших.

Чайковский Н. В. (“дедушка русской революции”). Видный масон. Входил в руководство “Великой ложи Франции”. Эмигрировал в 1919 году. Умер в 1926 году в Англии.

Брешко-Брешковская Е. К. (“бабушка русской революции”) – умерла в 1934 году в Чехословакии.

Пумпянский Н. П. – террорист, участник покушения на П. А. Столыпина. На Забайкальском Войсковом казачьем круге в августе–сентябре 1917 года призывал казачество “снять с себя пятно опричнины”. С 1919 года – уполномоченный Сибирского правительства на КВЖД. Затем плавно перетёк на советскую службу в Харбине, став главой правления КВЖД в Мукдене. Помер своей смертью в 1932 году в Пекине.

Минор О. С. – юрист. Сын раввина. Был приговорён к 10 годам каторги. Член ЦК партии эсеров, редактор газеты “Труд”. Едва не был убит во время заседания УС. С 1919 года в эмиграции. Возглавлял Политический Красный Крест. Умер в 1932 году в Париже.

Руднев П. П. – дворянин. Трижды арестовывался в царское время. С началом Великой войны ушёл на неё добровольцем. Служил врачом на госпитальном судне. Московский городской голова. После октябрьского переворота созвал экстренное заседание Думы, на котором заявил, что Москва не будет подчиняться советам. Глава Комитета общественной безопасности по борьбе с большевиками. С 1919 года в эмиграции. Соиздатель журнала “Современные записки” (Париж, 1920–1940). Умер в 1940 году во Франции.

Шрейдер Г. И. – городской голова Петрограда. Возглавлял Комитет общественной безопасности, созданный для сопротивления большевистскому перевороту. Подвергся аресту за отказ распустить городскую Думу. Бежал. В 1919 году выслан за границу по распоряжению командования Вооружённых сил Юга России. Умер в 1940 году в Париже.

Чернов В. М. – идеолог террора, автор воспоминаний, книжки “Русское в еврейском и еврейское в русском” и очерка “Мои дороги и тропинки к еврею”. Умер в 1942 году в США.

Авксентьев Н. Д. — видный масон. Автор монографии “Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше” (1906). В 1918 году арестован и выслан за границу. Соиздатель журнала “Современные записки”. Умер в 1943 году в США.

Зензинов В. М. — купеческий сын. Член БО (“Боевой организации”) эсеров. “Из Германии туманной привез учёности плоды”. Орнитолог и этнограф. Автор книги о русских поморах “Старинные люди у Холодного океана”. Боевик и смутьян, член ЦК партии эсеров. Под звуки народного гимна “Боже, Царя храни!” выслан из России А. В. Колчаком.

Во время советско-финской войны, пользуясь старыми связями с финнами, приехал в Финляндию, где ему организовали встречи с советскими военнопленными. По материалам собранных втайне от финского командования писем и разговоров с пленными опубликовал в 1944 году в Нью-Йорке книгу “Встреча с Россией. Письма в Красную армию 1939-1940”. Умер в 1953 году в США. Историк эсеровского террора. Из Зензинова: “Террористический акт есть акт, прямо противоположный самоубийству, — это, наоборот, утверждение жизни, высочайшее проявление её закона”⁷⁸. Такого не предусмотрел даже Достоевский...

Церетели И. Г. — министр почт и телеграфа Временного правительства. Сторонник независимой Грузии. В 1919 году её представитель на Парижской (Версальской) конференции. Парламентский цицерон. С 1921 года в эмиграции. Умер в 1959 году в США.

Вишняк М. В. — активный участник бунта в Москве в 1906 году. Секретарь УС. С 1919 года в эмиграции. Публицист. Автор ряда статей по истории и праву. Соиздатель журнала “Современные записки”. В 1946-1958 — редактор русского отдела американского еженедельника “Тайм”. Умер в 1976 году в США.

Сорокин П. А. — своей работой по вопросу статистики разводов населения Петрограда разъярил Ильича. В 1922 году выслан за границу. В отличие от своих учёных коллег, уплывших на пароходе, уехал из России на поезде. Классик мировой социологической науки. Умер в 1968 году в почёте и славе в США.

Швецов С. П. — бесхитростный русский мужик (по натуре), дворянин по происхождению. Ходил в народ, был чернорабочим. В 1879 году приговорён судом к лишению всех прав состояния. Каторжный. В 1905 году — активный смутьян. После подавления бунта — эмигрант. После разгона УС ушёл в науку. Тихо занимаясь географией, умер своею смертью в 1930 году в Ленинграде.

Фигнер В. Н. — профессиональный борец за народное дело, жертва царского режима, “подорвавшая своё здоровье в царских казематах”. Дожила до 90 лет и умерла, оставаясь на свободе, в 1942 году. В 1933 году Совнарком увеличил ей пенсию. О себе она говорила: “Я часто думала, могла ли моя жизнь <...> кончиться чем-либо иным, кроме скамьи подсудимых? И каждый раз отвечала себе: нет!”

Никонов С. А. — врач-убийца. Натуральный. Потомственный дворянин. Сын царского адмирала. Подельник А. Ульянова. Участник подготовки покушения на императора Александра III, организатор “Боевой дружины эсеров”, организатор и участник третьего покушения на адмирала Г. П. Чухнина. Его племянник Б. А. Никитенко казнён в 1907 году за попытку покушения на императора Николая II.

При советской власти неоднократно арестовывался, но по ходатайствам сестры Ленина А. Ульяновой-Елизаровой неизменно отпускался на волю. Спокойно пережил сезон 1937-1938 годов. Умер в 1942 году в блокадном Ленинграде.

Соколов Б. Ф. — врач-бактериолог. С 1916 года на фронте. Поручик. При гетмане П. П. Скоропадском — сотрудник Бактериологического института при университете Св. Владимира в Киеве. В 1918-м выехал во Францию. По возвращении в Россию вошёл в состав правительства Северной области. Был арестован большевиками. Выпущен за границу, жил в Чехословакии. Журналист, писатель, автор научных исследований по онкологии. В 1924 году защитил магистерскую диссертацию по протистологии в Праге. Умер в 1979 году в США.

Огановский Н. П. — автор воспоминаний и записок о работе УС. В 1931 году арестован и приговорён коллегией ОГПУ к пяти годам лишения свободы.

В 1933-м выслан на оставшийся срок в Башкирию. В 1935 году после окончания срока ссылки остался жить в Уфе. По некоторым данным, расстрелян в 1938 году. Реабилитирован в 1989 году.

Гоц А. Р. — идеолог терроризма и убийца. Один из немногих членов эсеровского большинства в УС, кому не слишком повезло. В момент работы УС находился в розыске. Брать его прямо в Таврическом не решились (дабы не нарушать парламентский иммунитет). Бежал, невзирая на усиленную охрану дворца. В 1922 году пойман и приговорён к высшей мере наказания. Два года ждал казни. В 1924 году расстрел был заменен на 5 лет тюрьмы. Через год сослан на три года на родину Ильича в Симбирск, ставший к тому времени Ульяновском. В 1937 году вновь арестован, а в 1939-м приговорён к 25 годам лагерей. Умер в КрасЛаге в 1940 году.

Не повезло и террористу-боевику из банды Б. Савинкова Е. Е. Колосову — потомственному бунтарю и перманентному сидельцу. Участник вооружённого бунта в Москве в декабре 1905 года. Два года отсидел в крепости. Бежал в Финляндию, оттуда перебрался во Францию, затем в Италию. В 1916 году вернулся в Россию и вновь был арестован. При советской власти арестовывался трижды, причём вместе с женой. Оба расстреляны в 1937 году.

Главным же выгодоприобретателем от всего случившегося станет Борис Ильич Збарский. На трупе Ильича он делает блестящую карьеру: станет профессором, академиком медицинских наук, Героем Социалистического Труда, кавалером трёх орденов своего подопечного Ленина, лауреатом Сталинской премии.

Он будет холить и лелеять прах своего политического врага и невольного благодетеля вплоть до своего ареста, последовавшего в 1952 году. Предлог звучал вполне абсурдистски: “недостаточное отражение в брошюре “Мавзолей Ленина” роли товарища Сталина в Великой Октябрьской социалистической революции”. Любопытно, что брошюрка сия выходила в главном издательстве страны — Госполитиздате — по крайней мере дважды — в 1945 и 1946 годах, — и никаких претензий к её содержанию вплоть до 1952 года не возникало. Похоже, это Ильич подшучивал из гроба над своим санитаром, бывшим когда-то его политическим противником.

На волю Борис Ильич выйдет лишь после смерти другого вождя. Збарский умрёт в 1954 году — через тридцать лет после смерти своего клиента и работодателя.

Петлюра С. В. (тот самый!) — стоит в сём списке особняком. Исключён из Полтавской духовной семинарии. Главный редактор издававшегося в Москве журнала “Украинская жизнь”. Позднее политические противники обвиняли его в русофильстве. Диктатор укродиректории. Масон. Великий мастер “Великой ложи Украины” (куратором украинских лож в 1913–1916 годах был А. Ф. Керенский). Состоял в одной ложе с гетманом П. Скоропадским и способствовал его первому побегу из Киева при наступлении “красных”. Убит в мае 1926 года в Париже приятелем Н. Махно, поэтом С. Шварцбардом. Есть веские основания полагать, что это была масонская казнь за ослушание и самодетельность в “украинском вопросе”. Похоронен на элитном кладбище Монпарнас в двух шагах от могилы обожаемого им Мопассана.

Гуковский А. И. — сын военврача. Публицист. Исключён из Московского университета. В момент работы УС находился под арестом в Петрограде. В 1919 году эмигрирует во Францию. Соиздатель журнала “Современные записки”. Наложит на себя руки в 1925 году в Париже. Его сын Евгений будет расстрелян в 1938 году.

Фундаминский (Фондаминский)-Бунаков И. И. — из купцов 1-й гильдии. Учился на философа в Гейдельберге. С 1901 года эсер. Боевик. Участник Московского бунта 1905 года. Несколько раз арестовывался, в том числе за участие в бузе на крейсере “Память Азова”. Масон. Комиссар Черноморского флота (до октября 1917 года). С 1919 года — в эмиграции. По мнению известного историка и мыслителя Г. П. Федотова, “собрал наиболее богатый материал для понимания души русского самодержавия”. Принял Православие. Соиздатель журнала “Современные записки”.

В 1940 году во Франции он напишет: “Россия — особый мир. Мир великий и самобытный, отличный от европейского по земле, по крови, по вере, по политическому строю — по всему ходу истории. <...> Историей всякого народа руководит Провидение, но русской историей в особенности. Ни одна история не

заключает в себе столько чудесного и сверхъестественного. Соображая события, её составляющие, невольно думаешь, что перст Божий ведёт Русский народ, как будто древле иудеев, к какой-то высокой цели”⁷⁹.

Погиб в Аушвице (Освенциме) в 1942 году. В 2004 году канонизирован Константинопольской Православной Церковью.

А теперь о судьбах наиболее видных победителей УС – большевиках и левых эсерах.

“Да где у нас диктатура? Да покажите её! – будет яриться перед смертью своего коммунизма Ильич. – У нас – каша, а не диктатура”⁸⁰. А позже, пребывая в гневе, выпалит: “Нас всех надо вешать на вонючих верёвках!” – вырвав надежду, что когда-нибудь “поделом повесят”⁸¹.

Вешать на верёвках – это понятно. Но отчего же именно на “вонючих”?

Через полвека соратник Ильича В. М. Молотов, беседуя с поэтом Ф. Чуевым, скажет по поводу этой пресловутой “каши”: “На месте стрелять, и всё! Такие вещи были. Это не по закону. А вот приходилось. Это диктатура, сверхдиктатура”⁸².

Разгон УС ознаменовал собой победу коммунизма – ленинского коммунизма, коммунизма рабовладельческого типа. П. А. Сорокин запишет в своих воспоминаниях резюме одного из таких поддержавших (в кавычках или без – не суть важно) большевиков крестьян. “Земля наша, это правда, – говорил он, – но весь урожай – их. Леса наши, скот наш, но деревья – их, и всё молоко, масло и мясо тоже их. Вот что правительство сделало для нас. Пусть они заберут землю назад и едят её сами”⁸³.

А вот ещё одно свидетельство, правда, уже не эсера, а записного либерала – писателя В. Г. Короленко: “Снаряжается экспедиция в деревню с целью собирания хлеба. Естественный обмен между городом и деревней прекратился. Город ничего не производит.

Иголка стоит теперь 100, а то и 150 рублей. Понятно, что давать хлеб, да ещё по “твёрдой цене”, у деревни нет никакой охоты. Вдобавок свободный ввоз хлеба в город воспрещён.

Обычный обмен замер, приходится прибегать к искусственному”⁸⁴.

Запись в дневнике от 18/31 мая 1920: “Голод 1891-1892 года шутка в сравнении с тем голодом, который охватил теперь всю Россию. Одно из непосредственных последствий большевизма – обеднение России интеллигенцией. Одни погибают как инакомыслящие, другие – как прямые противники, третьи – прямо как “буржуи”, четвёртые – потому, что выбиты из колеи”⁸⁵.

К 1921 году разрушительные последствия коммунистической программы стали очевидны всем, за исключением “твердокаменных” большевиков. Невспаханые поля заросли сорняками. Не было ни семян для сева, ни стимула к труду. Жизнь городов постепенно приближалась к мертвящему оцепенению. Национализированные заводы за неимением топлива прекратили работу. Железные дороги были разрушены. Здания превратились в руины. В школах почти совсем прекратились занятия. Суть отношения мужика к ленинскому коммунизму выразил в своём слове к пришедшим облагать его данью продотрядовцам безымянный крестьянин: “Когда мы не кормили в долг ваш пролетариат, у нас было много плугов и гвоздей. Три года мы отдавали вам в долг всё, что вырастили. Вы всё забирали бесплатно, и теперь у нас нет ни плугов, ни гвоздей. Думаю, что настало время перестать вас одалживать”⁸⁶.

Причину разразившейся “на ровном месте” гражданской войны Ильич усмотрел в отказе правых эсров сотрудничать с большевиками.

Вдумаемся: “учредилку” разогнали “без шума и пыли”, сопротивления никто не оказывал. Ни мужик, ни солдат, ни рабочий не возмутился (это сущая правда!), напротив, отнёсся индифферентно, ибо “что те, что эти” – “красные” и “сицилисты”. Тогда с чего бы вдруг разразилась гражданская война?.. Ах, да – “белочехи” злосчастные, “иудушкой Троцким” спровоцированные, “учредители” недобитые, Колчаком недострелянные.

Как отмечал Г. М. Семёнов, “завоевав симпатии крестьянства, социалисты так же легко привлекли к себе интеллигенцию, воспитанную на антипатриотических идеях космополитизма эпохи 40–60-х годов. Утопические мечты о всеобщем уравнении, о вечном мире мира и социалистическом его переустройстве всецело овладели умами интеллигентного слоя населения, развращённого вредными литературными трудами и политическими выступлениями

руководящих лидеров интеллигенции из писателей, профессоров, адвокатов и пр.”⁸⁷. Будем помнить одно из главных правил жизни — и науки тоже! — не путать причины и следствия. Говорили (и говорят поныне!), что Ленин со своей бригадой решил отказаться от военного коммунизма (“как вынужденной меры”) с окончанием гражданской войны. Не вернее ли было бы сказать, что гражданская война прекратилась именно после отказа от ленинского коммунизма? Но и то: известное присловье “хоть кол им на голове теши!” живёт и здравствует, увы, не на пустом месте.

И началось великое “временное отступление”, как называл его Ильич, по прозвищу “нэп”. Задумывалось ли оно Лениным и впрямь как “временное” или то было сказано для “красоты слога” для своих несмышлёных соратников — Бог весть. Спросите его самого. Если верить покойному стихослагателю А. Вознесенскому, Ленин отвечает на все вопросы. Мы же скажем, что Ильич был величайший оппортунист и ради завоевания и удержания власти менял мнение и озвучивал его в соответствии с требованиями момента, а моменты менялись непредсказуемо. Свой феерический оппортунизм Ильич объявлял “диалектикой”.

Но и с НЭПом вышел казус. Свято уверовавшие в химеры стали стреляться. А те, кто поумней и при власти, — использовать её в личных целях. Говорят, что НЭП вёл страну в тупик. Весьма возможно. А вот то, что нэп вымывал у власти почву под ногами — совершеннейший факт. Нэпману большевики были “без надобности”, а те были совершенно неспособны конкурировать с вышедшими из подполья “деловыми людьми”. Так что тот или иной вариант ухода большевиков с исторических подмостков России был делом времени и техники. А уйти со сцены они могли разве что в подвал.

Судьба нэпа была предreshена. И началось великое социальное и политическое контрнаступление, получившее прозвание “великого перелома”, — новая война.

Великое проявляется в малом. И первым делом в быту. Вот запись из дневника историка партии С. А. Пионтковского (дяди нынешнего неизвестного оппозиционера). Пионтковский был, судя по его записям, человек не вполне здоровый, но не в соматическом, а духовном плане — “духовно повреждённый”, одержимый, бесноватый, склонный к политическому садомазохизму. Правовойшейший из правовойшейших партийцев. Тем его дневник “матери-истории” и ценен.

Запись от 1 ноября 1930 года: “В политике кругом творятся странные дела. Сначала мы закручивали и завинчивали, дошли почти что до военного коммунизма, с рынка сняты были все товары широкого потребления, всё выдавалось только по ордерам. А получить ордер можно было только какими-то неизвестными каналами, да и, получивши ордер, говорят, не всегда можно было с ним устроиться. Человеку, например, нужны были штаны, а ему по розыгрышу, по развёрстке попадал ордер на стол или на комод. И он должен был искать несчастьливца, которому вместо комода доставались, предположим, штаны, чтобы совершить обмен и таким путём получить нужную вещь. Получалось, что на складах лежали товары, ордера на все эти товары были розданы, а получить эти товары никто не мог. Каналы оборота пустовали.

На одном конце происходило затоваривание, на другом — исчезновение денежных масс в резервуарах, куда они должны были стекаться. Деньги отслаивались в деревне, а государственные банки начинали прекращать платежи. Рос хозяйственный кризис, и росли катастрофически цены на вольном рынке. Зарплата не выдавалась. В Комакадемии, например, только сегодня заплатили за первую половину октября, а в университете ещё не известно, когда начнут платить, хотя до 5 ноября повсюду должны выплатить задержку в зарплате.

Наряду с этим развивали широкие ударнические кампании и в рабочих массах ставили задачу об увеличении колхозных и совхозных масс деревни. Всё это единственно приводило к тому, что классовая борьба в наших условиях начала усложняться и усиливаться”⁸⁸.

Записано 10 марта 1930 года: “Кулак и собственник сопротивляются, и интересы собственности заставляют поддерживать кулацкие элементы тех, кто по объёму своей собственности к собственникам никак не причислен быть не может. На Кубани и в Чечне уже восставали. В Рязанской губернии сейчас восстание, правда, безоружное, но всё же там, как говорят, восстали уже

до 50 000 человек, правда, восстали безоружно и пока восстание просто сводится к большой бузе, но настроение пренеприятное и, по-видимому, крайний антисемитизм. МК (Московский комитет партии. — **Б. К.**) мобилизовал сейчас группу ребят в Рязань и строго предписал евреям не посылать”⁸⁹.

Записано 2 апреля 1930 года: “В большом докладе Леонов (секретарь МК ВКП(б). — **Б. К.**) в несколько шутильной форме старался изобразить события в Московской области. По докладу <...> начали происходить массовые выступления. Выступления в ряде других мест распространялись сразу на 1,5-2 десятка деревень. Начиная с 23 февраля и до 15 марта были выступления в Рязанской губернии, в Бежецком уезде. Там разгромили сельсовет, от борьбы против совхозов перешли к борьбе против Советской власти вообще. Организовались, стали высылать разведчиков, вернули попов, открыли церкви, объявили свободу торговли, стали выкидывать лозунги явно антисоветского характера, учредили дежурства с целью учесть приближение войск и т. д. Недели полторы в захваченном районе не было Советской власти”⁹⁰.

Записано 2 апреля 1930 года: “Цепь восстаний прокатилась волной по всему Союзу. Были восстания в Казахстане, на Северном Кавказе, в Армении и большая группа восстаний на Украине. На сегодня цепь этих восстаний разбита и подавлена”⁹¹.

Записано 23 июня 1930 года: “. . . для подавления восстаний в Закавказье потребовалось вмешательство всей Кавказской армии”⁹².

И это всё не сводки Би-Би-Си и “Голоса Америки”, а закрытая информация для партийцев. Мудрено ли, что в такой обстановке партии приходилось без усталости бороться не на живот, а на смерть с то и дело возникавшими “уклонами”, “загибами” и заговорами — подлинными и мнимыми?

А теперь о судьбах победителей, разогнавших Учредительное собрание и принявших Россию в свои руки.

Калинин М. И. — член УС, возглавивший через год орган, равный по своему государственно-правовому статусу и компетенциям Учредительному собранию. Из крестьян. Образование — два класса народного училища. Токарь высочайшей квалификации. За то был весьма уважаем Сталиным. Перед Великой (Первой мировой) войной собирался открыть пивную лавочку. Член нелегального кружка, который вёл В. М. Молотов (“студент Молотова”). По выражению своего наставника по марксизму, “он больше был для народа. . . И был преданным Сталину. Он был особенно близок для крестьянства, поскольку для крестьянства других большевиков не было”⁹³.

После гибели Свердлова занял его пост. “Всесоюзный староста”. В дальнейшем — Председатель Президиума Верховного Совета СССР, безгласной пародии на парламент и Учредительное собрание.

В народе имел репутацию “добротного дедушки-заступника” за мужика и преступников-малолеток. В нужный момент мог проявить решительность и мужество.

Член Политбюро ЦК ВКП(б). В политические дела, как правило, не вмешивался, делал всё, “как велено”. Изредка, однако, проявлял строптивость и тем спасал людей. Занимался в основном вручением орденов и медалей. “Качало его немножко вправо, — сказывал о нём Молотов, — но он от нас старался не отбиваться”⁹⁴. Любил читать современную ему художественную литературу и встречаться с “мастерами культуры”. Автор воспоминаний о Ленине. Награждён двумя орденами Ленина. За два года до смерти стал Героем Социалистического Труда. Любил жизнь во многих её проявлениях. Умер своей смертью после тяжёлой болезни в 1946 году. Его именем были названы Тверь, подмосковный городок Подлипки и вернувшийся в Россию после двухсотлетнего перерыва (длвшегося с 1761 года) Кёнигсберг.

Жена — Екатерина Ивановна (Иоганновна) Лорберг (по одним сведениям — эстонка; Молотов говорил, что еврейка). В 1924 году проявила принципиальность и заявила на родного брата-хозяйственника, после чего тот был расстрелян. Модница. Вместе с жёнами аппаратчиков неоднократно ездила в Париж обновлять свой гардероб. В 1938 году тотчас же по возвращении из-за границы была арестована. Получила семь лет лагерей. Как вспоминал Молотов, “она ничего из себя не представляла, но, вероятно, путалась с разными людьми”⁹⁵. Освобождена в 1945 году после долгого и настойчивого ходатайства умирающего мужа.

Приёмный сын Калинина застрелился.

Натансон М. А. (л. с.-р.) — вконец разочаровавшийся в большевизме, отпущен Ильичом на волю в Швейцарию, где и окончил в 1919 году свои дни в тяжких мучениях.

Урицкий М. С. — застрелен в августе 1918 года своим соплеменником.

Черепанов С. А. — расстрелян “белочехами” через полгода после разгона УС.

Свердлов Я. М. — в 1919 году забит по-библейски камнями рабочими г. Орла. По официальной версии, умер от “инфлюэнцы”.

Шаумян С. Г. — бакинский комиссар. По официальной версии, “расстрелян англичанами и эсерами” в 1918 году. При эксгумации, последовавшей в январе 2009 года, останки его обнаружены не были.

Железняков А. Г. (анархист) — пошёл на Одессу, а вышел к Херсону. И при царе, и при Временном правительстве неоднократно привлекался к судебной ответственности за пропаганду пораженчества и террористическую деятельность.

Участвовал во взятии Зимнего дворца, аресте Временного правительства, помогал большевикам захватить власть в Москве в октябре-ноябре 1917 года. 6 июля 1918 года встал на сторону мятежников — противников Ленина и прочих “народных комиссаров”. В результате выходит приказ об аресте “Железняка”, и он объявляется вне закона. С помощью левых эсеров Железняков бежит от расстрела в тамбовские леса. Воюет с белыми на юге России. Убит при не до конца выясненных обстоятельствах в 1919 году. Превращён в культовую фигуру советской пропагандой.

Фрунзе М. В. — царским судом был приговорён к смертной казни. Умер на операционном столе в 1925 году. Врачебная ошибка не исключается.

Дыбенко П. Е. — после января 1918 года неоднократно предавал большевиков, переходил к эсерам. Казни пахана “братишек” вместе с его сожительницей А. М. Коллонтай требовал Троцкий. Через 20 лет — в 1938 году — его требование было выполнено, хотя и не полностью. Как враг народа расстрелян был лишь Дыбенко.

Антонов-Овсеенко В. А. — царским судом был приговорён к смертной казни. Активный участник октябрьского переворота. Тамбовский каратель. Консул в Испании. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Аросев А. Я. — старинный друг В. М. Молотова. Член ВРК Москвы во время октябрьского переворота. По его приказу вёлся обстрел Кремля из тяжёлых орудий. Дипломат, переводчик. Расстрелян в 1938 году как враг народа. “Он мог провиниться только в одном, — скажет спустя полвека Молотов, — где-нибудь какую-нибудь либеральную фразу бросил. Мог за бабой какой-нибудь, а та... Шла борьба”⁹⁶.

Уншлихт И. С. — варшавский мещанин. Смутьян. Шесть раз арестовывался при старом режиме. Один из создателей и активистов советских карательных органов. Расстрелян как польский шпион и террорист в 1938 году. В 1956 году реабилитирован и восстановлен в партии.

Бухарин Н. И. — в юные годы выплюнул Святое Причащение, чем похвалялся всю оставшуюся жизнь. В 1917-1918 годах злоумышлял арестовать и убить тов. Ленина. Любимец партии. Образование гимназическое. В 1922 году в письме рейхсканцлеру Веймарской республики Й. Вирту Ильич называл Бухарина своим сыном. “Дьявольски неустойчив в политике” (по Ленину). В 1922 году выступал в качестве защитника на процессе по делу правых эсеров. С 1929 года — сталинский академик.

О своих коллегах по фракции в УС говорил: “Циник-убийца Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак — страшно рад”.

На процессе по делу “Антисоветского правотроцкистского блока”, на котором он выступал уже в качестве обвиняемого, признался: “Я совершенно согласен с гражданином Прокурором насчёт значения процесса, на котором вскрыты наши злодейские преступления, совершённые “правотроцкистским блоком”, одним из лидеров которого я был”. Расстрелян в 1938 году как враг народа. “Не дали ему пожить”, — скажет через полвека Молотов⁹⁷.

Зиновьев Г. Е. — политическая проститутка (по Ленину). Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Каменев Л. Б. — политическая проститутка (по Ленину). Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Камков (Кац) Б. Д. (л. с.-р.) — расстрелян в 1938 году как враг народа (вместе с женой).

Пятаков Г. Л. — отметился зверствами в Крыму. На процессе заявил, что готов лично расстрелять свою жену-заговорщицу. Расстрелян в 1937 году как враг народа. Его родного брата — тоже члена УС, так и не попавшего на заседание 5 января, — зверски убьют в Киеве некие самостийники.

Крыленко Н. В. (партийная кличка “Абрам”) — прапорщик, с конца ноября 1917-го по начало марта 1918 года — верховный главнокомандующий русской армией, точнее того, что от неё осталось. Такой взлёт даже не снился ни лейтенанту Бонапарту, ни поручику Тухачевскому. В дальнейшем нарком юстиции и Прокурор РСФСР. Доктор советских государственных и правовых наук. Пламенный борец с врагами народа. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Крестинский Н. Н. — сын учителя гимназии. В мирное время — присяжный поверенный (адвокат). Видный большевистский дипломат и бонза. По всему поведению — барин. Однажды обвинит Ленина в антисемитизме. “Похож даже на русского. Был Первым секретарём ЦК. Довольно злостный такой. Мы его не знали, куда девать, пока не арестовали”, — скажет о нём В. М. Молотов⁹⁸. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Иоффе А. А. — сын купца-миллионера. Крупный дипломат. Политический деятель. Наложил на себя руки в 1927 году. На его могиле Троцкий произнесёт очередную пламенную речь: “...Такие акты, как самовольный уход из жизни, имеют в себе заразительную силу. Но пусть никто не смеет подражать этому старому борцу в его смерти — подражайте ему в его жизни!” Дочь от первого брака и вторая жена Иоффе отсидели в лагерях по 20 лет каждая. Сын расстрелян в 1937 году как враг народа.

Леплевский Г. М. — член Коллегии НКВД, заместитель Прокурора СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Милютин В. П. — народный комиссар земледелия в первом Советском правительстве 1917 года. Член Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б). Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Игнатов Е. Н. — повар. Директор высших курсов советского строительства при Президиуме ВЦИК. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Нахимсон С. М. — из купцов. Зарублен шашками в Ярославле в гостинице “Бристоль” в 1918 году.

Невский В. И. (настоящая фамилия Ф. И. Кривобоков или Кривобок) — историк. В 1924–1935 годах — директор Румянцевской библиотеки, ставшей уже “Ленинской” (ныне — ФГБУ РГБ). Признан виновным в том, что “с 1929 года он являлся активным участником антисоветской террористической организации правых, а в 1933 году создал террористическую группу”. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Булатов Д. А. — из крестьян. Окончил сельскую школу. Рабочий-обойщик. 1-й секретарь Омского обкома ВКП(б). Делегат четырёх партсъездов. Расстрелян в 1941 году в тылу как враг народа.

Васильев (Южин) М. И. — из рабочих. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Заместитель председателя Верховного суда СССР. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Васильченко С. Ф. — из крестьян, сын ж.-д. рабочего. Образование низшее. Слесарь. Ссылный. Беглый. Член Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Мостовенко П. Н. — из дворян. Ссылный. По донесению полиции, “неисправим по поведению. Очень грубый и дерзкий, злой пропагандист и опасный революционер”. Дипломат, ректор МВТУ им. Баумана. Расстрелян в 1939 году как враг народа.

Каминский Г. Н. — сын купца. Студент-медик. Недоучка. Нарком здравоохранения СССР. 17.2.1937 года подписал фальсифицированное врачебное заключение о том, что Г. К. Орджоникидзе скончался от паралича сердца. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Киселёв А. С. — сын мастерового. Заместитель наркома РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции) СССР. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Окулов А. И. — сын разорившегося, промышленявшего золотом купца. В 1926-1927 годах — член правления “Главзолота”. С начала 1930-х годов — персональный пенсионер. В конце 1936 года, будучи уже на пенсии, исключён из ВКП(б), а в декабре 1937 года приговорён к 10-ти годам лагерей. Умер в АмурЛаге в 1939 году.

Оппок (А. Ломов) Г. И. — из дворян. “Левый коммунист”. Заместитель председателя ВСНХ, заместитель председателя Госплана СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Оболенский В. В. (партийная кличка “Н. Осинский”) — заместитель Председателя Госплана СССР. Арестован вместе с сыном по подозрению в подготовке профашистского путча в Москве в интересах Германии, Польши и Японии с целью государственного переворота и территориального расчленения СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа. Его сын Валериан расстрелян годом раньше.

Рыков А. И. — первый (по счёту) предсовнаркома после Ленина. С учётом ограниченной трудоспособности последнего правил дольше предшественника (1924–1930). Его именем — “Рыковкой” — звалась в народе первая советская водка. Лечился от алкоголизма в Германии. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Раскольников (Ильин) Ф. Ф. — невозвращенец с 1938 года. Сошёл с ума и выбросился из окна психиатрической клиники г. Ниццы в 1939 году.

Рязанов Д. Б (Гольдендах) — ровесник Ильича. По его заданию вывез из Германии в голодном 1921 году купленные за русское золото манускрипты Маркса/Энгельса, которые в силу своей скандальности тотчас же были упрятаны в спецхран. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Сапронов В. Т. — маляр. С 1925 года — член коллегии Главконцесскома. С идеями. Ленину разонравится ленинский коммунизм, а тов. Сапронову — сталинский социализм.

Сложившийся в СССР 1930-е годы экономический уклад он определял как “своеобразный уродливый госкапитализм”. Автор работы “Агония мелкобуржуазной диктатуры”. “Называть такое хозяйство социалистическим, — писал Сапронов, — значит делать преступление перед рабочим классом и дискредитировать идеи коммунизма”. Угодить этой публике было совершенно невозможно. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Склянский Э. М. — фельдшер. Правая рука Троцкого по части военных дел. Утонул в августе 1925 года в озере Лонглейк, что в штате Нью-Йорк. Не исключено, что сам. Без посторонней помощи.

Смирнов А. П. — генеральный секретарь Крестьянского интернационала (“Крестинтерна”. Был и такой. — **Б. К.**), секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б). Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Стуков И. Н. — сын священника, недоучка. Шесть лет провёл в царских тюрьмах. Перманентный оппозиционер. Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Сокольников Г. Я. (Бриллиант) — дослужился до наркома финансов. По официальной версии, убит в мае 1939 года заключёнными в политизоляторе.

Евдокимов Е. Г. при царе — несовершеннолетний преступник. С началом Великой войны скрывался от призыва. Организатор и активный исполнитель красного террора, массовых расстрелов в Крыму, расказачивания, раскулачивания, фабрикации Шахтинского дела и “санаций” (в кавычках и без) 1936–1938 годов. Член особой тройки НКВД СССР. Член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР. Расстрелян в 1940 году как враг народа. В 1956 году посмертно реабилитирован и восстановлен в партии.

Туров (Гинзбург) В. З. — агент Иностранного отдела ОГПУ. Убит неизвестными при перевозке крупной партии денег в 1927 году.

Цвиллинг С. М. — сын еврея-парикмахера. В 1905 году ограбил аптеку своего родственника и застрелил его. Был приговорён к смертной казни, которую заменили на пять лет тюрьмы. Устанавливал советскую власть в Челябинске и Оренбуржье. По некоторым данным, его красноармейский отряд занимался грабежами и возил с собой гарем. Ликвидирован оренбургскими казаками в 1918 году. Момумент члену УС Цвиллингу С. М. установлен в Челябинске на улице Цвиллинга. До 1993 года его разбойное имя носил Челябинский академический театр драмы.

Чудновский Г. И. — сын адвоката (присяжного поверенного). Участник штурма Зимнего. По одной из версий, застрелился, будучи окружён отрядом гетмана Скоропадского, в 1918 году.

Охтин А. Я. (настоящая фамилия Юров) — в 1906 году приговорён судом к смертной казни за участие в вооружённом бунте в Латвии. Приговор в исполнение приведён не был. С 1921 года на дипломатической службе. Начальник Главного таможенного управления Наркомата внешней торговли СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Белобородов А. Г. в июле 1918 года подписал решение Уралоблсовета о расстреле Царской Семьи. Расстрелян в 1938 году как враг народа. Его жена расстреляна в том же году. В 1962 году посмертно восстановлен в КПСС. Вернули ли покойнику партбилет — неизвестно.

Троцкий Л. Д. — литератор, литературный критик. Нарком. Судьба его известна.

Яковлева В. Н. (зам. пред. ВЧК, её опасались даже коллеги) — расстреляна в 1941 году как враг народа в Орловском центре при подходе немцев к г. Орлу.

Спиридонова (“Маруся”) М. А. (л. с.-р.) — Террористка. “Психическая”. Возлюбившая Ильича. 6 июля 1918 года сердце её изменило вождю. Начиная с 1920 года неоднократно арестовывалась, последний раз — в 1937 году. Расстреляна в 1941 году как враг народа в Орловском центре при подходе немцев к г. Орлу.

Лозовский С. А. — сын меламеда, дипломат, публицист. Арестован в 1949 году, расстрелян в 1952 году как враг народа.

Ленин В. И. — страстный почитатель Д. И. Писарева (брал в ссылку его портрет). Плагиатор П. Н. Ткачёва (в части покражи идеи создания организации по захвату власти — “партии нового типа”, “партии захвата власти”, по выражению Г. В. Плеханова. Ненавистник религии.

Избран в УС по списку от армии и флота Финляндии (Балтфлота) — “депутат Балтики”. Приверженец “похабного Брестского мира” и творец ещё более похабного — Рижского — итога проигранной Польше войны. Перед смертью просил прощения у пустых стульев, — вероятно, видел кого-то сидящими на них. В моменты проблесков сознания просил яду.

“Самый человечный человек”, как писал о нём поэт В. Маяковский, на двух фотографических карточках запечатлён с кошкой на руках.

Мировой рекордсмен по числу установленных ему истуканов.

*Хотя страна давно его отпела
На все свои стальные голоса,
Но мать-земля не принимает тело,
А душу отвергают небеса, —*

скажет о нём Поэт — наш с вами современник.

Сталин И. В. — виртуоз комбинационной игры. Принял страну в разрухе. Выиграл войну с Европой (официально — с “фашистской Германией”). Оставил страну с атомной бомбой. Убит своими верными соратниками в 1953 году. Дважды посмертно разоблачался собственной партией. Тихая реабилитация вождя, предпринятая в эпоху “застоя”, была жёстко купирована новой волной разоблачений, следовавших во времена “перестройки”.

Дзержинский Ф. Э. — умер в 1926 году. Положенное по такому случаю вскрытие не производилось.

Бош (Майш-Бош) Е. Г. — сожительница Г. Пятакова. “Психическая”. Пламенная комиссарша гражданской войны, возмнившая себя военным стратегом. Упомянута как агитаторша в мемуарах гетмана П. П. Скоропадского. Воевавший с ним В. М. Примаков (впоследствии враг народа) поставил Москву перед выбором: или Бош отзывают, или он её пристрелит. Лютовала в Пензенской губернии, провоцируя мужицкие бунты. Левая оппозиционерка. Наложила на себя руки в 1925 году. В том же году — уже посмертно — вышла её книжка “Год борьбы” (переиздана в 1990 году).

Глебов-Авилев Н. П. — первый народный комиссар почт и телеграфов в 1917 году. В мае 1918-го — комиссар Черноморского флота. Выполняя директивы со-члена по Учредительному собранию Ленина, отважно топил победоносный Черноморский флот в Новороссийске. Видный член Ленинградской

оппозиции. В 1937-м расстрелян по обвинению в террористической деятельности.

Апетер И. А. — из лифляндских мастеровых. Неполное высшее образование. В 1937-1938 годах — начальник Соловецкой тюрьмы. Расстрелян в 1937 году как враг народа. В реабилитации отказано.

Маслеников А. А. — расстрелян в Омске в 1919 году.

Феденёв И. П. — из мещан. Поднадзорный с 1904 года. В 1932 году добился публикации в журнале “Молодая гвардия” культового романа Н. Островского “Как закалялась сталь”. Выведен в нём под именем Леденёва. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Фрейман В. Н. — губпродкомиссар. Отсидел пять лет в лагерях. Дата смерти неизвестна.

Шейнман А. Л. — из купцов. Глава Госбанка РСФСР и СССР, нарком внутренней торговли. Директор Лондонского отдела “Интуриста”. Невозвращенец с 1939 года. Умер в Лондоне в 1944 году.

Шмидт В. В. — немец. Главный арбитр при СНК СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Шотман А. В. — из крестьян. Уполномоченный Президиума ВЦИК. Автор “Записок старого большевика”. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Шлегель Н. В. — из мещан. В 1945 году осуждён на восемь лет лагерей как пособник немецких оккупантов.

Чешейко-Сохацкий С. В. — дослужился до профессора. Расстрелян в 1934 году как враг народа.

Седякин А. И. — из крестьян. Начальник управления ПВО РККА. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Скобелев М. И. — сотрудник Внешторга. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Смилга И. Т. — оппозиционер. Троцкист. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Смирнов И. Н. — из крестьян. Нарком почт и телеграфов. Троцкист. Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Сырцов С. И. — известный функционер-оппозиционер. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Рындич А. Ф. — из крестьян. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Пинсон Б. Д. — из мещан. Сын портного. Функционер среднего звена. Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Позерн Б. П. — из дворян. Ректор Ленинградского коммунистического университета. Прокурор Ленинградской области. Расстрелян в 1939 году как враг народа.

Окулов А. И. — известный функционер, писатель, преподаватель, член Реввоентрибунала. Расстрелян в 1939 году как враг народа.

Малютин Д. П. — сын чиновника. Член малого Совнаркома. Расстрелян в 1939 году как враг народа.

Лещинский Ю. М. — из мещан. Окончил историко-литературный факультет Краковского университета. С 1929 года — генсек польской компартии. Член исполкома Коминтерна. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Любимов И. Е. — из крестьян. Нарком лёгкой промышленности СССР. Награждён орденом Ленина и расстрелян в 1937 году как враг народа.

Коростелёв А. А. — из крестьян. Образование низшее. Управляющий трестом Наркомата местной промышленности РСФСР. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Кузнецов Н. В. — из крестьян. Токарь. “Чуждый элемент” (в период НЭПа был торговцем). В дальнейшем — на низших должностях. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Ермощенко В. И. — из крестьян. Образование низшее. Секретарь ВЦИК, управляющий конторой “Чайсбыт”. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Данилов С. С. — из чувашских крестьян. Окончил Симбирскую духовную семинарию. Сотрудник Института Маркса-Энгельса-Ленина. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Гжельщак (Гржегожевский) Ф. Я. — из рабочих. С 1929 года работал в Коминтерне. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Медведев С. П. — из крестьян. Вечный сиделец (при советской власти). Член “рабочей оппозиции”. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Скворцов-Степанов И. И. — отделался лёгким испугом. Партийный журналист и переводчик Маркса. Масон с 1915 года. Первый советский нарком финансов. Прослужил в этой должности 1 (один) день, так и не явившись в присутствие — брошен на взятие Москвы. Умер своей смертью (от тифа) в Москве в 1928 году.

Счастливым и непостижимым образом избежали насильственной смерти депутаты-большевички — жёны Дыбенко и Крыленко — А. М. Коллонтай и Е. Ф. Розмирович соответственно. Обе умерли своей смертью в 1952 и 1953 годах. Коллонтай оставила свои дневники. Похоже, что писала она их в спешке и задним числом.

Повезло и отставленному из наркомов незадававшемуся литератору А. В. Луначарскому (“Лупанарскому”, как звали его товарищи по партии) — знатоку, ценителю и покровителю советского искусства варьете. Сей фигляр и пацук умер в 1933 году по дороге в Испанию.

Губельман Е. М. (“Ярославский”) — главный безбожник, богохульник и кощунник СССР. Редактор журналов “Безбожник”, “Безбожник у станка” и даже “Безбожный крокодил”. Образование заочное (четыре класса гимназии). Больше нигде не учился. Сталинский академик и лауреат. Автор мема “вождь народов” (о тов. Сталине) и политической максимы “Борьба против религии — борьба за социализм”. Верный сталинец. Критиковался вождём. Был близок к помешательству. Культуртрегер большевизма. Рьяно выступал за запрет церковной музыки, в том числе произведений Чайковского, Рахманинова, Моцарта, Баха, Генделя, которые считал “реакционными”. Был глубоко уязвлён внезапным (временным) благоволением вождя народов к Русской Православной Церкви. Умер в тяжёлых мучениях в Москве в 1943 году.

Бонч-Бруевич В. Д. — наперсник Ильича. Автор работ о сектантах, брошюры в защиту Бейлиса, а также бестселлеров “Ленин и дети” и “Наш Ильич”. После смерти вождя отставлен от дел. Брошен на литературно-музейное дело. При советской власти не арестовывался, зато был расстрелян его зять — Л. Авербах, дочь отсидела семь лет в лагерях. С 1945-го и до самой смерти Бонч — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде. Забытый всеми, кроме пенсионного отдела, исчах в Москве в 1955 году.

Не дожив трёх недель до крушения советского государства, уйдёт в мир иной последний член УС — избранный по Могилёвскому округу большевик Лазарь Каганович (тот самый).

Как бы то ни было и что бы ни говорилось, а с ленинской революцией вскоре было покончено вместе с “ленинской гвардией”. Что осталось от лозунгов “Земля — крестьянам!”, “Фабрики — рабочим!”, “Мир без аннексий и контрибуций!”? Ровным счётом ничего. И Троцкий был совершенно прав, назвав Октябрьскую революцию преданной. И в ликвидации революции не было “ничего личного”: просто страна элементарно хотела выжить.

P. S.: Но не все из стана победителей погибли. Были и счастливики.

Воронков М. И. — из крестьян. Окончил Рязанскую учительскую семинарию, Московский коммерческий институт. В 1915 году мобилизован, окончил школу прапорщиков. Работал в просвещении. В 1924-м вышел из РКП(б). Умер своей смертью в Москве в 1973 году.

Васильев М. М. — из мещан. Окончил ремесленное училище. В советское время работал в ВСНХ, в торгпредстве в Италии. Умер своей смертью в Москве в 1957 году.

Горшков И. И. — из крестьян. Рабочий фабрики Хлудовых. Умер в 1966 году.

Громашевский Л. В. — окончил медицинский факультет Казанского университета. Врач. В царское время четырежды подвергался арестам. В советское время — крупный эпидемиолог, Герой Социалистического Труда, академик АМН. Умер в Москве в 1980 году.

Скажем кратко: выжили из стаи победителей единицы. А именно те, кто вовремя сообразил, что лезть наверх — значит попасть в подвал, сидеть надо тихо воды, ниже травы, чётко отслеживать колебания Генеральной Линии и не высываться, ибо всякая инициатива наказуема. Формулой же выживания является мудрость, озвученная всемирно знаменитым персонажем “бело-красно-чеха” Я. Гашека: “Рот на замок и служить дальше!”

Говорят, что “победителей не судят”. Ещё как судят! Объединяет же их то, что они яростно и никого не щадя сражались за свои идеалы и погибли от своих идеалов. “Таковую бо честь беси приносят любящим их”. Будем помнить это, реченное Авраамием Палицыным – героем борьбы со Смутой. Опасно быть при власти вместе с бесами – первыми погибают самые близкие к ним.

Объединяет ли что-нибудь побеждённых и победителей?

Да. Все они отреклись от Веры, от Царя и – как неизбежное следствие – от Отечества. Все они были противниками традиционной русской государственности.

У большевиков была сатанинская воля и некий “план”, у эсеров не было ни воли, ни плана.

В проигрыше оказались они все. Вернее, все мы.

Историки-безбожники любят задаваться вопросом: “А что было бы, если бы?..” В нашем случае: “Что случилось бы, если бы в 1918 году победили эсеры?”

Теперь уже яснее ясного, что победить эсеры просто не могли. Но и не в том дело. Для православного человека проблема видится в ином: обе стороны были противниками Православия и Самодержавия, то есть ярыми противниками традиционной русской государственности. Победа эсеров ничего в этом плане не меняла.

Обе стороны толкали страну в пропасть, и повезло тому, кто в сатанинстве своём шёл до конца, не останавливаясь ни перед чем. Наш народ разделился – и уже давно! – в себе и потому устоять не мог.

И пришлось умыться кровью за своё отступничество. Таково было попущение Божие. “Не захотят через слюну, будет им через понос кровавый”, – скажет за век до этого преподобный Серафим Саровский, прославленный усилиями и волей последнего Государя. И сбылось реченное о Серафимом. После “бескровного” разгона УС начнётся кровавая усобица: левозеро́вский мятеж, расстрел Царской Семьи, покушение на Ленина, объявление красного террора. Начнётся гражданская война, ответственность за развязывание которой доморощенные идеологи – от первых советских до нынешних анти- и постсоветских – спишут на “белочехов”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Плеханов о терроре // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 185.

² Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 года. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 181–182.

³ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Части I и II. М.: Партиздат, 1933. С. 70.

⁴ Второй Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Д. М.–Л.: Государственное издательство, 1928. С. 7.

⁵ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Государственное издательство, 1926. С. 356.

⁶ Комуч – Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания – первое антибольшевистское правительство России, организованное 8 июня 1918 года в Самаре членами Учредительного собрания, не признавшими его разгон декретом ВЦИК от 6 января 1918 года.

⁷ Зензинов В. М. Из жизни революционера. Париж: [б. и.], 1919. С. 93–94.

⁸ Яковлев Я. А. Предисловие. // Второй Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Д. М.–Л.: Государственное издательство, 1928. С. XXXVIII–XXXIX.

⁹ Покровский М. Н. Что установил процесс так называемых “социалистов–революционеров”. // Октябрьская революция. Сборник статей. 1917–1927. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1929. С. 290.

¹⁰ Второй Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Д. М.–Л.: Государственное издательство, 1928. С. 102.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец февральской революции. М.: Издательство З. И. Гржебина, 1922. С. 84–85. Кстати, кто таков сей “Мстиславский”? Это сын профессора Академии Генерального штаба генерал-майора

- Д. Ф. Масловского. С 1904 года член партии эсеров. В дальнейшем — левый эсер. Подвергался партийному суду по подозрению в провокаторстве. Оправдан большинством в два голоса. “Мерцающая личность”, — то есть провокатор, скажет о нём вслед за его товарищами по партии З. Гиппиус. Участвовал в аресте Государя. Массон. Член Ложи Верховного Совета Великого Востока народов России (Генеральные секретари: Н. В. Некрасов, А. М. Колюбакин, А. Ф. Керенский). Советский писатель. С 1931 года — редактор издательства “Федерация” (солидная советская контора). В 1938 году назначен личным биографом В. М. Молотова. Умер в эвакуации в Иркутске в 1943 году. Репрессиям в советское время не подвергался. “Горьковский тип”, одним словом. Но не из босяков, а из аристократов.
- ¹³ Куприн А. И. Голос оттуда. 1919–1934. М.: Согласие, 1999. С. 135.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 135.
- ¹⁵ Наживин И. Ф. Записки о революции 1917–1921. Вена: Книгоиздательство “Русь”, 1921. С. 61.
- ¹⁶ Как это было. Дневник А. И. Шингарёва. Петропавловская крепость 1917–1918. М.: Издание Комитета по увековечению памяти Ф. Ф. Кокوشкина и А. И. Шингарёва, 1918. С. 1.
- ¹⁷ Там же. С. 6.
- ¹⁸ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Восьмой съезд РКП(б) 18–23 марта 1919. Под ред. Ем. Ярославского. М.: Партийное издательство, 1933. С. 396.
- ¹⁹ Там же. С. 397.
- ²⁰ Там же. С. 398.
- ²¹ См.: Троцкий Л. Д. Что такое СССР и куда он идёт? Paris, “Слово” [198-]. С. 16; Крицман Л. Героический период великой русской революции. Изд. 2-е. М.–Л., 1926. С. 77; Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М.: Финансовое издательство, 1928. С. 51. Весьма символично, что и Крицмана, и Юровского в 1938 году расстреляли.
- ²² Короленко В. Г. Дневник 1917–1921. Письма. М.: Советский писатель, 2001. С. 327.
- ²³ См.: Собрание Узаконений и Распоряжений (СУиР) Правительства за 1917–1918 гг. Для служебного пользования. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. — № 154, № 420, № 425, № 456, № 674 и др.
- ²⁴ Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО “Анбур”, 2015. С. 113–114.
- ²⁵ Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 52.
- ²⁶ Петроград, 24 декабря. // Наш Век № 22 от 24 декабря (6 января) 1917.
- ²⁷ Куприн А. И. Голос оттуда. 1919–1934. М.: Согласие, 1999. С. 312.
- ²⁸ Раскольников Ф. Ф. На боевых постах. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1964. С. 243.
- ²⁹ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М.: Наука. 1969. С. 165.
- ³⁰ Шавеко Н. Октябрьская революция и Учредительное собрание. М.–Л.: Московский рабочий, 1928. С. 178.
- ³¹ Рубинштейн Н. К истории Учредительного собрания в России // Историк-марксист. № 10, 1928. С. 66.
- ³² Рубинштейн Н. К истории Учредительного собрания. М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство. 1931. С. 117–118.
- ³³ Судебный процесс над социалистами–революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 348–349.
- ³⁴ Покровский М. Н. Что установил процесс так называемых “социалистов–революционеров”. // Октябрьская революция. Сборник статей. 1917–1927. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1929. С. 284.
- ³⁵ Расстрел манифестации // Дело Народа. № 234 от 16 декабря 1917 года. С. 3.
- ³⁶ Бунин И. А. Океанские дни. / Полное собрание сочинений в XIII томах. Т. 6. М.: Воскресенье. 2006. С. 363.
- ³⁷ Гиппиус З. Н. Синяя книга. Петербургский дневник 1914–1918. Белград: Типография Раденковича, 1929. С. 233.

- ³⁸ Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Т. XIII. Берлин. Изд-во "Слово", 1924. С. 65.
- ³⁹ Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Государственное издательство, 1924. С. 93.
- ⁴⁰ Соломон Г. Среди красных вождей. М.: Центрполиграф. 2015. С. 61.
- ⁴¹ Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания. // Архив русской революции. Т. XIII. Берлин. Изд-во "Слово", 1924. С. 62.
- ⁴² Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 48.
- ⁴³ Там же. С. 50.
- ⁴⁴ Там же. С. 51.
- ⁴⁵ Бонч-Бруевич В. Д. Накануне. М.: Библиотека "Огонька". № 149, 1926. С. 24.
- ⁴⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М.: Наука, 1969. С. 182.
- ⁴⁷ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 358.
- ⁴⁸ Дыбенко П. Объявление по флоту // Известия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов № 6 (270) 9-го января 1918 г.
- ⁴⁹ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 372-373.
- ⁵⁰ Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Государственное издательство, 1924. С. 93.
- ⁵¹ Гиппиус З. Н. Синяя книга. Петербургский дневник 1914–1918. Белград: Типография Раденковича, 1929. С. 221.
- ⁵² Зензинов В. М. Из жизни революционера. Париж: [б. и.], 1919. С. 98.
- ⁵³ Огановский Н. П. Дневник члена Учредительного собрания. — "Голос минувшего". 1918. № 4–6. С. 152-153.
- ⁵⁴ Зензинов В. М. Из жизни революционера. Париж: [б. и.], 1919. С. 100.
- ⁵⁵ Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания. // Архив русской революции. Т. XIII. Берлин. Изд-во "Слово", 1924. С. 66.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Зензинов В. М. Из жизни революционера. Париж: [б. и.], 1919. С. 99.
- ⁵⁸ Чернов В. Охлос и демос // Мысль. № 1. Петроград: Издательство "Революционная мысль", 1918. С. 200-201.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Раскольников Ф. Ф. На боевых постах. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1964. С. 250.
- ⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 226.
- ⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 143.
- ⁶³ Калинин М. И. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М.: Партийное издательство, 1934. С. 44.
- ⁶⁴ Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Государственное издательство, 1924. С. 94.
- ⁶⁵ Там же. С. 95.
- ⁶⁶ Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Государственное издательство, 1924. С. 99.
- ⁶⁷ Раскольников Ф. Ф. На боевых постах. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1964. С. 255.
- ⁶⁸ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырёх томах. Т. 12. Письма: январь 1916 – май 1919. М.: Наука, 2006. С. 184.
- ⁶⁹ Кроль Л. А. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток: Типография Т-ва Изд-ва "Свободная Россия", 1921. С. 9.
- ⁷⁰ Волков О. В. Век надежд и век крушений: Воспоминания, повести, рассказы, очерки. М.: Советский писатель, 1990. С. 214-215.
- ⁷¹ Большевики в большевистской России. 1918–1924. Большевики в 1918 году. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 92-93.
- ⁷² Карачёв А. В. Листовки группы "Единство" (1917-1918 гг.) // IV Плехановские чтения. Историческая философия проблемы общественных наук на рубеже тысячелетий. Вторая половина XIX-XX вв. (Современное видение истории) 30-31 мая 1996 г. Тезисы докладов, Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека. Дом Плеханова, 1996. С. 86-87.

- ⁷³ Карачёв А. В. Указ. изд. С. 86.
- ⁷⁴ Самоубийство Учредительного собрания // Известия № 5 (269) от 7 января 1918.
- ⁷⁵ Третий Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Петербург, 1918. С. 17.
- ⁷⁶ Декрет о роспуске Учредительного собрания, принятый в заседании Центр. Исп. К-та 6 января 1918 г. // Известия № 5 (269) от 7 января 1918.
- ⁷⁷ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрено ЦК ВКП(б). 1938 год. М.: Издательство ЦК ВКП(б) Правда, 1938. С. 205.
- ⁷⁸ Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. С. 275.
- ⁷⁹ Бунаков-Фундаминский И. И. Пути России // Современные записки. Париж, 1940. № LXX. С. 189.
- ⁸⁰ Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Государственное издательство, 1924. С. 105.
- ⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 87.
- ⁸² Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 244.
- ⁸³ Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. С. 205.
- ⁸⁴ Короленко В. Г. Дневник 1917–1921. Письма. М.: Советский писатель, 2001. С. 296.
- ⁸⁵ Там же. С. 294.
- ⁸⁶ Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. С. 205.
- ⁸⁷ Семёнов Г. М. О себе: воспоминания, мысли, выводы. Б.м., 1938. С. 37.
- ⁸⁸ Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934). Казань: Казанский государственный университет, 2009. С. 361.
- ⁸⁹ Там же. С. 290.
- ⁹⁰ Там же. С. 311.
- ⁹¹ Там же. С. 312.
- ⁹² Там же. С. 336.
- ⁹³ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 501.
- ⁹⁴ Там же. С. 501.
- ⁹⁵ Там же. С. 553.
- ⁹⁶ Там же. С. 498.
- ⁹⁷ Там же. С. 330.
- ⁹⁸ Там же. С. 258.